

Кавалеры ордена Красной Звезды летчики-консолисты Владимир Шленов и Валерий Томашанли.

№ 20 ^[946]

ОКТАБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ЛАУРЕАТЫ
ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА

ПЛАМЯ НЕ

Сцена из спектакля. Заседание штаба молодогвардейцев.

Они легендарны — молодогвардейцы Краснодона, парни и девушки из небольшого шахтерского городка. Они совершили подвиг во имя Родины, во имя торжества коммунизма.

Александр Фадеев написал о них замечательную книгу, Образы Кошовой, Тюленина, Земнухова, Шевцовой, Громовай и их старших товарищей-коммунистов—в сердцах и мыс-

лах современной молодежи. На них равняются. Их страсть, их горение, их солдатская стойкость, железная воля и верность идее помогают нам в труде и борьбе.

Прошлое тесно связано с настоящим. В героических делах минувших дней черпает свою силу наше время. И не случайно, что образы славных комсомольцев Краснодона шагнули со страниц романа на театральную сцену и экран. Искусство

сделало их вечно живыми, нашими современниками.

Вновь и вновь мы встречаемся с молодогвардейцами, с их судьбой, жизнью, трагической гибелью. Одна встреча была особенно значительна и радостна. «Молодую гвардию» поставил Киевский театр юного зрителя.

За два года, считая со дня премьеры, этот спектакль пошел на сцене

150 раз, не утратив своей свежести и высокого патриотического накала. Больше того, он стал значительным событием в творческой жизни Украины, он определил дальнейший путь театра, утвердил его героико-романтическую линию. На этот спектакль равняются и последующие работы коллектива, возглавляемого главным режиссером заслуженным артистом УССР Александром Сергеевичем Барсеганом.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - УДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок третий
Выходит два раза в месяц

ОКТАБРЬ

20 (194)
1966

УМЕТ

Допрос Олега Кошевого.

вов Украины. С постановки «Молодой гвардии» и начался моя работа в театре.

Существующие инсценировки романа не удовлетворяли меня как постановщицу и режиссера. Я поехал на место краснойстоунской трагедии. В музее этого города я нашел ценные документы, неизданные А. Фадеева. Кроме того, я много беседовал с очевидцами и свидетелями бессмертного подвига комсомольцев. Они подсказали мне решение спектакля, его дух, его боовитость. Надо было вступать в творческое соревнование с уже сложившимися вариантами сценического прочтения популярного романа.

Мне повезло: в Киевском театре находились талантливые исполнители важнейших ролей — постановщики артисты старшего поколения и молодежь — думающая, ищущая, темпераментная. Создалась такой ансамбль влюбленных в роман и глубоко понимающих значение будущего спектакля, что работа целиком поглотила нас.

В спектакле «Молодая гвардия» органически сплетается слово Фадеева, музыка Шостаковича и удачное решение художником М. Кирьяном сценической площадки.

Пьесе «Молодой гвардии» я поставил с этим коллективом Шенсисра, Януша Корчак, Кюссак, Эдлеса, но артисты, занятые в фадеевском спектакле, везде и всегда равняются на «Молодую гвардию».

Сейчас мы приступаем к работе над трилогией о комсомоле и людях, посвященной столетию со дня рождения В. И. Ленина. В сентябре начались репетиции. Девиз «В бой молодая гвардия!» вновь определит наши дальнейшие поиски.

Заслуженный артист УССР М. А. Рот — исполнитель роли коммуниста Валько:

— Тридцать пять лет моей сценической жизни я отдал Киевскому театру юного зрителя. В моей работе было много радостных премьер. Я играл и главные роли и эпизодические, но в «Молодой гвардии» мне кажется, нет второстепенных ролей: все — главные. Я исполняю роль старого коммуниста Валько, который передает боевую эстафету молодежи; немногословная роль, но она стоит десятка других! Сто пятьдесят раз я изображаю непоколебимого, гордого и смелого Валько так же, как делал это на премьере 19 мая 1964 года.

Мне приятно видеть, как работают в этом спектакле мои молодые коллеги, и чувствовать, как горючий зрительный зал замирает, слушая последние слова, сказанные моим героем перед смертью. Мне важно, что моя большая радости для актера, чем та, которую испытываешь, участвуя в спектакле, воплощающем высокий дух патриотизма и любовь к Родине.

Заслуженный артист УССР В. В. Зубарев — исполнитель роли Сергея Тюленина:

— Я, Сережа Тюленин, вместе с моими боевыми сверстниками, три-

жды повторяю клятву молодогвардейцев. Мы, комсомольцы тех незабываемых лет, сдержали слово, не предавали, не отступили, не изменили, с честью выполнили свой долг перед Родиной. Не сироту — мне очень приятно сознавать, что Серенка, мой Саранка, нравятся нашему зрителю, что многие сидящие в зале мысленно повторяют нашу клятву. Сергей был скромным и мужественным, простым и очень убежденным в своей яростной ненависти к фашизму. Без какой бы то ни было позы, без громких фраз, без пафоса «показательного героя». Любовь и ненависть, ясное сознание того, что фашизм будет разгромлен, — вот что я хотел показать в этой работе. Роль Тюленина — одна из любимых в моей творческой биографии.

Артистка Тамара Баглей — исполнительница роли Любы Шевцовой:

— Роль Любы Шевцовой нельзя просто «исполнять», играть». Ее надо глубоко пережить, как бы прожить заново, всем сердцем слиться с этим незаурядным характером и каждый раз заново раскрывать перед зрителем глубину переживаний этой обыкновенной и в то же время необыкновенно смелой девушки.

О Любе говорят: артистка, а для меня она прежде всего горячая задорная девушка, которая и сердце свое и талант свой отдает, не задумываясь, делу Родины, делу Ленина. Я полюбила Любу Шевцову еще на школьной скамье, когда мы читывали романом Фадеева. Мы завидовали ей и часто задушевными: «А я бы так выглядела!» и отвечали: «Смогла бы!» Мне дорого сознание, что в зрительном зале сидят такие же Любки Шевцовы, которые, если надо будет, повторят ее подвиг.

Артист А. Ф. Пазенко — исполнитель роли Олега Кошевого:

Краснодонскому подростку Олегу Кошевому суждено было войти в историю комсомола — стать его героем.

Для меня Олег Кошевой — совесть и долг, вера и готовность к самопожертвованию. Мы с постановщиком нашей героической драмы нашли решение этого образа, которое вытекает из нового прочтения романа. Он дополнен новыми документами. Уточнены отдельные моменты, поступки героя. Подчеркнута роль коллективного руководства организации юных коммунистов.

Я не первый год в театре, но не часто я получаю такое наслаждение в работе, как тогда, когда создавался спектакль о мужестве, о героизме, спектакль о бессмертном подвиге юных мстителей.

Очень хочется на таком же накле, с таким же темпераментом и влюбленностью в материал сыграть в новых пьесах, посвященных нашим комсомольским делам шестидесятых годов.

Хочется отметить пятьдесятлетие комсомола новой, современной «Молодой гвардией».

ФОТО М. ХАЛАНСКОГО

Последние минуты Улы Громовой (артистка Тамара Неженко).

Сергея Тюленина.

Люба Шевцова. Иван Замкунов (артист Николай Едомачев).

В связи с присуждением Киевскому театру юного зрителя премии Ленинского комсомола за спектакль «Молодая гвардия» редакция обратилась к его участникам с просьбой рассказать о том, как он создавался, какие мысли и чувства вкладывали они в образы молодогвардейцев.

Заслуженный артист УССР А. С. Барсегян — главный режиссер, постановщик спектакля:

— Я давно думал о постановке «Молодой гвардии» А. Фадеева. Встреча с коллективом Киевского ТЮЗа убедила меня в том, что роман, побывавший в нашей молодежи, может стать решающим для определения дальнейшего пути одного из старейших театральных коллекти-

ПЯТИЛЕТКА И ТЫ

КАК ПРАВИЛ ПЕРВЫЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ, ПЕРВЫЕ ДВА ГОДА ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛИСЬ, А УЖЕ НАЧАЛИСЬ РАБОТЫ ПО ПЯТИЛЕТКЕ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НАШЕ ГОСУДАРСТВО СТОИТ НА ПЕРЬЕ ПЯТИЛЕТКИ И ГОТОВИТСЯ К РАБОТЕ НА ПЯТИЛЕТКУ.

НАШЕ ГОСУДАРСТВО СТОИТ НА ПЕРЬЕ ПЯТИЛЕТКИ И ГОТОВИТСЯ К РАБОТЕ НА ПЯТИЛЕТКУ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НАШЕ ГОСУДАРСТВО СТОИТ НА ПЕРЬЕ ПЯТИЛЕТКИ И ГОТОВИТСЯ К РАБОТЕ НА ПЯТИЛЕТКУ.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Братской городской комсомольской организации орденом Трудового Красного Знамени

За большие заслуги в деле мобилизации комсомольцев и молодежи на успешное строительство Братской гидроэлектростанции в городе Братске, на самоотверженный труд рабочих станций и бригад БРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАЩЕГОСЯ РАЙОНА Орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

И. СТАЛИН

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

М. ГОРЬКИЙ

Москва, Кремль,
17 мая 1956 г.
№ 4856-71.

Июнь, год 1959-й. Так
умирали Анапур.

ГОРОД

В. ЛЕВАШОВ

ЗДЕСЬ
БУДЕТ
ПОСТРОЕНА
БРАТСКАЯ
ГЭС

ПЕРВЫЕ РАБОТЫ НАЧАТЫ
* 21/VI 1954.

Н ад асфальтовыми развалами влощадей, над людскими скверами, над строениями тайги, обставленными белыми кварталами, широко, кругами прохладит ветер. Он прилетит с городом запахи дикой тайги, тонкую воздушную пыль Ангары, горьковатые дымы далеких — может быть, усть-ляльских — костров. Этот ветер, эти островки сосновки среди парадных уличек и восточных домов с желто-синим орнаментом на торцах — единственное, что помогает сегодня восстановить в памяти такое близкое и такое далекое прошлое. А ведь и десяти лет не прошло с того дня, когда я шел, увезши по колено в красной галифе, но увидев зашпиганого свеса с чернорыбынными венцами изоб и слушая нарастающий рев Паулуа. Гордая, но знаящая узы Ангара вставала перед глазами, словно море.

Словом Братское море...
Есть города, перед которыми хочешь почитать и сникт кену. Есть города, на околице которых хочется водить музейные тапочки, чтобы стуком каблуков не спугнуть призрачное присутствие глубокой древности. А есть города, с которыми хочется подружиться, как со сверстником, человеком большой души, в характере которого счастливо сочетаются молодость и мудрость.

Таков Братск.
Этот город — как кряк, раздробивший вековую тяжелую тишину.
Этот город — как мудрый хозяин, у которого не пропадет даром ни клочка земли; владеши его — на сотни верст.

Стукит энергия, могучие, как грозовой разряд, упрямые амульсы идут от турбин легендарной ГЭС, превращая как бы прикосновением философского камня мертвые скалы в необходимую человеку сырью. Приведенные в движение этой энергией, визжит электронам, и четырехсотметровой длины плоты степенно входят в акваторию Братского аэсоровымышленного комплекса, чтобы оборотиться в волнолозы, киньволны, турбам картонном. Приведенные в движение этой энергией, стальные фрезы вгрызаются в неподатный грунт, калдася нечи Братского алюминиевого завода, и в вальцованных станту серобристы салтыя.

О Братске-работном, Братске-хозяине лучше слма говорят цифры.

Мощность семидеяти действующих турбин

ГЭС, шестьдесят процентов затрат на строительство которой уже окупились, — 3 миллиона 825 тысяч киловатт; следующие агрегаты, которые готовятся к пуску, увеличат этот потенциал.

Братский аэсоровымышленный комплекс, первая очередь которого уже вступила в строй и дает около ста тысяч тонн цеоланозы в год, к концу пятилетки, при достижении проектной мощности, будет перерабатывать четыре миллиона кубометров древесины.

Над промплощадкой Братского алюминиевого завода мощные руки кранов переносят стеновые фермы — перекрытия будущих корпусов. Сами из них уже пущены. Наступит тот день, когда будет завершено строительство последнего, двадцать четвертого...

Таков район Братска. И неожиданно юным оказывается лицо сегодняшнего строителя этого города, его хозяина. Он напряженно сосредоточенно, как прищур галл пьезометристки ГЭС Вали Михайлович, когда она точно бы держкт руку на пульсе планетки, контролируя с помощью приборов состояние гигантского бетонного монолита. В обвале города — веселый азарт труда, который выдала мы често — и на лицах «бывалого» брэтчнина, мастера-монтиальника БРАТМ Виктора Олматов, кому повелоз начинать свой завод с «пугала», с первого кошилка, и бетонишка Валерия Михалешина, кто живет здесь девятию летми годами.

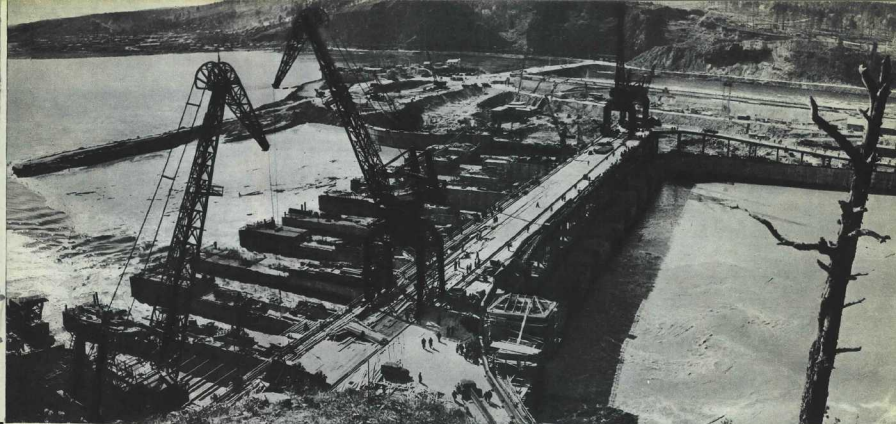
Создатель Братска белолюб и улюблен, как Алла Павловна с Гусстроя, деловито рационалистичен, как электросварщик Николай Орлов.

В лице Братска, если бы его можно было смонтировать из ста выходящих тысяч лиц его жителям, еста и грубые складки — следы далеко не легкой судьбы...

Первые палатки, землянки, первые фундаменты и опоры цехов, улички, проступающие из неразберихи стройки, создающие постепенно очерк Будущих кварталов, — такова биография многих наших городов.

Школа, армия или завод, комсомольская путевка, дивизион железнодорожного состава, испытываю неустойчивость, трудной работой, экзамен на выносливость, жизнелюбие, верность друзьям — такова биография многих брэтчин...

Наверное, самым «экономическим» место города — планетка, где находится распределительные устройства знаменитой АЭИ-500. Здесь электричество даже воздуха. Это метатюра. Бульварно —

ЮЛЕННЯ

В гостях у Бориса Гайдучиша.

входили, и на голове начинают шевелиться волосы, шерстяные ворсинки пальто. И потому ребята из бригады Виталия Бондаренко похожи на космонавтов: они в небесно-голубых, сотканных из тонкой проволоки костюмах, в таках же шляпах.

Сам Виталий в Братске уже шестой год, приехал сюда из Гусь-Хрустального. Он рассказывал, как его, вчерашнего студента техникума, по существу, знавшего стройку лишь по учебникам, поразила, увлекла, растворила в себе захватывающая атмосфера срочного монтажа тех самых трансформаторов и реле, под мерное гудение которых мы разговаривали.

Где-то я читал, — сказала она, — что людям лучше всего сблизжают совместные пороки. Думаю — верно: в самом деле, сойдешься с неземным человеком в ресторане, к примеру, выпьешь — и вот уже друзья. Душу аюк перед аюмом выворачиваешь. Только здесь я понял, что это не душа, а так, сор, что плавает поверху. По-настоящему люди узнают друг друга в такой вот работе, о которой я говорил.

Люди, увидевшие им сквозь призму азартного, захватывающего труда, стали его друзьями. В свою очередь, они узнали, чего стоит этот повлчок, и врывали его.

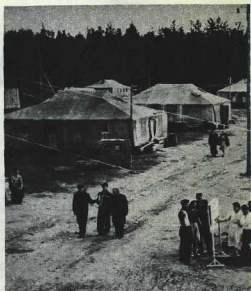
Таким было посвящение Виталия в братчане, таким был один из важнейших уроков, полученных им в жизни.

А таких уроков было немало. Из них складывалась жизненный опыт вчерашних школьников, с ними приходила мудрость и четкое ощущение связи своей с людьми. Ача Виктора Филатов, например, таким уроком была трудовая борьба против приласчико, выигранная им лишь благодаря поддержке самых разных людей. Аккордная олимпиа, которой он добился для своей бригады, увеличила не только заработок — прибавила гражданского мужества, уверенности в своих силах, прояснила для Виктора и его друзей значение их «ял» — не статистического, а государственного.

О Братске трудно писать. Сталась его история, имея его героев известным каждому школьнику. С первых дней Братск стал центром пристального внимания всей страны. Много лет прошло с тех пор, как появилась повесть об одном из тех, кто своим трудом завоевывал награду комсомолу Братска — орден Трудового Красного Знамени, человека огромного мужества и силы воли, Бориса Гайдучиша, а поэта день ото дня приносят ему все больше писем.

Подобно Днепрогэсу, Магнитке, Комсомольску-на-Амуре, Братск стал яркой вехой в биографии комсомола.

Братск — большая жизненная школа для тех, кто строил его, строит и живет в нем сейчас, будет жить завтра. Но гораздо дальше, шире, чем знергия турбин ГЭС, распространяется его духовный потенциал. И не только в пространстве, но и во времени.

*Ангара зажигает электрическое солнце
Сибири.*

*Стройка не на год, не на два. Строй-
ка — на всю жизнь.*

На этих снимках запечатлена улица длиною в двенадцать лет.

Фото А. БОНОВА и ТАСС

Да, весом вклада сегодняшнего Братска в пятилетку. Да, вызывают почтение грандиозность его предприятий, их перспективы. Да, значитель вклад комсомола в создание материальной базы комбината. Да, трудно переоценить значение Братска как форпоста комплексного освоения Сибири.

Но только ли технико-экономическими показателями определяется эффект подвига? Разве, зная незначительность турбины Днепротурга и сравнения с современными, мы с меньшим уважением произносим имена его создателей? Разве эффект волюнтаристского скачка эквивалентен лишь количеству сброшенных снам, километрам глубины пролома?

Что же сделало Братск тем, что он есть для миллионов девушек и парней, комсомольцев шестидесятых годов? Благодаря чему для комсомольца восьмидесятых годов он будет звучать так же, как для нас звучат имена легендарных его предшественников?

...Два человека, два восемнадцатилетних рабочих парня, возвращаясь из города на известковый карьер, сбавили с пути в пурге. В рюкзаке у старшего, Александра Приходко, уроченца Винны, лежали два тракторных карбюратора в кармане ватника Николая Арбузова, его друга и земляка, — несколько запасных шестеренок. Вторые ступи они блуждали по правому берегу Ангара. Сначала секла лицо лютая снежная крупа. Потом заснежила на дественно чистых снегах следы неверных шагов. Солнце встало над проморошей землей в добром ореоле. И вот для одного из них наступил момент, когда смерть показалася желанней возвращению к жизни, когда сладост-

ная непреодолимая дремота затушевала нестриженные, свисающие с его с деснами, сотнями, тысячами других людей.

...— Коля, вставай. Нужно идти — мороз крепчает.

— Не могу. Хочу спать.

— Это смерть, Коля. А мы должны идти!

— Никому мы ничего не должны. Ты идя. А я имею право сам распорядиться собственной жизнью.

— Не имеешь. Ты только представь, что получится, если мы погибнем!

— Остаток построим!

— Нет. Но может быть, кто-то, не узнав о нашем возвращении, не поверит в себя. Кто-то отступит, когда надо идти вперед, кто-то промолчит, когда нужно кричать... Коля, друг, вставай! Мы должны победить!

Не было бы Братска, не так уж изменился бы темп освоения Сибири, не уменьшился бы замеры промышленный потенциал страны. Но Братск уверенно стоит над избушкой Ангара, и, зная об этом, кто-то поверит в себя, кто-то не отступит, когда нужно идти вперед, кто-то не промолчит, когда нужно стучать кулаком по столу.

Апрель, лунный свет своей дерзостью замаска инспектора волаются в прекрасной машине.

Многолетний кропотливый труд ученого раскрыл еще одну загадку природы.

В мучительных поисках гармонии композитор содаст шедевр.

Экономический эффект подвига на Ангаре можно выразить в тоннах, киловаттах, рублях. Моральный эффект учета не поддается...

РАДОСТЬ — МОЯ

Юрий АНДРИАНОВ

Олег БОГДАНОВ

Биологам острова Рижков

Над Белым морем — ючи, как былинки,
Они — нетерпеливые слова,
Над Белым морем, как медвежьим спянки,
Лохматые всплывают острова.
Величие ночного полуярма
Такую тишину из кир сошлю,
Что с жалостью девчонки бифонада
Всплом дробят застывшее стекло.
Дрожит над морем охлажденный воздух,
Всплывает шлюпка в голубой погоней...
Вы ловите все ночь морские звезды
Для вашей факультетской «курсовой».
Но как работу не любить такую,
Когда идешь все время на менту,
Девчонки, защитите «курсовую»
За канцую нам блискую звезду.
Чтоб люди звезды горстью зачерпнули...
Сегодня ваша добрая судьба —
Ночь Заповарья, синие юбки,
Седая Камдалакская губа.
...Плывут в ночах мечтательные люди,
Я в жизни не люблю людей иных.
Ловите звезды!
Пусть их больше будет:
Обычных, человеческих, земных...

Мастеру городской росписи Аристарху Евстафьевичу Коновалову

Замерзала Узела, застыла Узела,
Лишь на стреле дымилась еще и тепа,
Замерзала Узела — умирали узоры,
Где диких птиц огневые крыла.
Старой росписи тапа песня веселая,
Из домов узодна обратное в пута...
И смотрели ей вслед одошавшие сала
И брели, словно стадо, где нет пастуха.
Узодна искусство обратю к истоку,
Тяжелю, точно жизнь из лютучей груди.
Как уносится став... в полете далеком
Находя вневочные птичьи пуги.
...Узодно искусство.
И замерли краски.
Только где-то остался единственный дом,
Где еще все бродила и думала сказка,
Словно струйка реки, не захвачая льдом.
Только где-то в округе жила, не мертвела
Искра образов, повехив в народной мечте,
Так кровинкою держит колдовское тело
Между жизнью и смертью на резкой черте.
Но не чуждо премудрой врачебной науки
В миг, когда уже все омыло конца,
Улыбнулось искусство,
Приподняло ручи,
Стянуло окскуру прохладу с лица.
Жизнь входила так ярко,
так солнечно зримо,
Словно новый залив,
Словно новый почин:
Значит, трудная, неясная необходимость
Нарушает закон молчаливых кончи.
Значит, это так нужно,
объемно и густо,
Точно первое солнце
И первый побег...
Раз искусство живет, то болей искусство
И встает, воскресая, как сам человек.

Рижскому вокзалу

Частенько ночевал я на вокзале.
Далекая, хорошая пора...
Миллионеры взгляд в меня вокзалки:
«Не тот ли это мальчик, что вчера...»
Да. Был в тем, что и вчера и после.
Я только лавки каждый день менял.
Под взглядом миллиейскими
в гордой позе
К газетному листу главу склонял.
Изображал проезжего-делая.
Чей поезд через час на Риге — айд...
А там, мол, в няглом покаяв «Малагу» —
Все трин-трава и горе — не беда.
А чуть миллионеры удалялся
В ту сторону, где кто-то там неправа...
Я папку под юшко — и снам являлся
волшебнейшим.
До самого утра.
А как писалось! Бонка, как писалось!
как писалось!

Фантазии гремели поезда.
Завязывалась рифма прутая завязь.
И в сердце амьской плаваньясь руда...
А утром кофе еле-еле теплый
И calorificы вазика, как мох.
Потом к метро я через площадь топал,
Продолжши. Сонный...

Все тогда я мог.
И в тот же день «добро» давали нам.
«Московский комсомолец», я же,

я же
Был гением твоюка, а ты момм.
И вот пора човечок на вокзале
Отмалнась, ушла в небиты...
Меня нимо радости свазили.
Но той пор...
Мне не забыть ве.
И если мне не пишется чего-то,
Беру я папку, на вокзал нду.
Там пахнет суетой.
Садись!
Работай!
Любюб с неба доставай звезду!

Нина НОВОСЕЛЬНОВА

День Романки

Давайте праздновать День Романки!
Какой не произошла по мне салю!
Они на могилках героев лавишк
Ником не свиные целли.

Колесам, танкам — чем их не мяли!
Какой не произошла по мне салю!
Но, трижды погубив, они вставали
На перекрестках военных дорог.

Мы даме порою не ведали сами,
Как ангики обязаны нежности их,
Когда, торопясь, лепестки рассыпали
По жестким шинелям друзей своих.

Романки! Немало им песен слето,
Но, выйдя вперед за заветный порог,

Витками космическая ракета
Уже рисовала земной цветон.

Давайте же праздновать День Романки!
Немозоные дети моей замлы,
Для радости жизни суровой нашей
Они уже сделали все, что смогли.

Евг. КОНСТАНТИНОВ

Радость, надежда моя,
Бог мой и культ мой — моя работа...
Закниж меня в любви крас,
Дай от любых ворот повороты,
Как хочешь сонлив, как хочешь унизь,
Но, если работать еще я в силах,
Не покороюсь ничему я ни в жизни,

И жизнь мне не станет постылой.
Прав ли во всем мли в чем виноват...
Тогда я не встречу странником Бедным
Неотвратимый последний заклет,
Неотвратимый восход последний.
Тогда мне не надо гулять суетой
Страшной зою вочности темной...
...Снял авторучку, как вечность,
руной,
Сжигу один перед ночью огромной.

РАБОТА...

Лариса РУМАРЧУК

Руки человека

Все, что есть на земле, человеком
работано —
От иголки простой —
до бетонных громад.
Если небо над нами гудит самолетами,
Значит, руль самолета в ладонях зажат.
Взяли дерево и жость —
получилась лопата.
Взяли дерево и шпатель —
получился фляжок.
Взяли шар. Положили на донышко атом,
Чтобы шар расползлся и землю подбег.

Я живу в середине двадцатого века.
Я учу свои руки работать любя.
И соринку достать из-под впускного вена
И кольцо парашюта рвануть на себя.

Поднимать провода в непогоду и ветер,
Чтобы в чьей-то окошке вдруг стало светло.
Пусть они неподвижно повиснут, как плети,
Если я их умнее направлю во зло.

Инна КАШЕЖЕВА

Ко дню рождения

И сказочный кушник имеет донышко...
И редкий гость теперь я в том краю,
Где детство —

босоногая Аленушка,
Поет смешную песенку свою.
Ах риднее с небес во все глаза...
Ты приходи ко мне, моя Аленушка,
Я все на свете знаю чудеса!
В твоем краю волшебство все и призрачно,
А ты мой край сегодня оглади,
И ты поймешь, что детство —

это присказка,
И ты поймешь, что детство —
только зернышко,
Посаженное в добрый черномозг.

Ты приходи ко мне,
моя Аленушка,
И мы дружно песенку споём.
Аленушка!

Твой край не забывается.
Но я тебя к себе не зря зову:
Ведь все, что там придумано,
сбывается,
Сбывается в краю, где я живу.

Я оттуда, где сутки длиннее,
Я оттуда, где снег в октябре,
Я оттуда, где тридцать больше
Недосмотренный сон о тебе.
Не воин — рядовая поездка:
Сказки да вавилон в руке...
Мне, наконец, очень позволю
Тосковать о тебе вдальке.
В городах, в небольших деревеньках,
По затерянной в ливах тропе
Я ншу на обветренных ветках
Недосмотренный сон о тебе.
И в избе-пятистенке и в юрте
[Всех ночлегов не пересчитать...]
Снятся мне допетровские уюты
И огни на твоих площадях.
И во сне я летаю все выше,
И возвращается в сердце Земля...
Я опять твою улыбку вижу
И чеканные стены Кремля,
По бульварам твоим,
По бульварам
Я, как и детство недавним, бегу...
Прсыпалась во сне небывалом,
Назаву же никак не могу.
Нестерпимы земное вращенье
И твоих куполов синява...
Все мне снится мое возвращенье
И мое линованье, Москва!
А вернусь — и проходит все разом:
Тишина и безлунье во сне...
Ты со мной, ты рядом,
Ты рядом.
Потому и не синешь ты мне.
И опять из-под отчего крова
Улетаю. Моя ли вина!
И тебе помню да я снова.
Может быть, из-за этого сия.

Игорь ГРУДЕВ

Думал:
нежная,
ты сама
Чуб мой черный
Ерошишь:
«Милый»...
Это в волосы мне
знала
Пальцы белые
запустила.

Из книги «Гроздь»

Потлял, проползал лени,
Начав свой путь издалека,
Божит,
бежит к заветной цели,
И каплей дорожа,
и река.

Но вот себя с разбегу рушит
Былым стараниям вопреки.
Там, за чертой скантинной суши,
Есть океан,
но нет реки.

В березовой роще

Сколько здесь
Положено голов...
Но не слышать
Памятников бронзовых...
Те, которых не забыли мы,
Здесь отлиты
в сербиро ставлов,
Здесь отлиты
В золото листьев.

Прямая ветвь лишь только
раздвоилась,
Как на рогатку срезана она.
Сивтел кремль —
в траве пичужка билась,
И мертвая стала
тишина...

Сканки,
Зачем скрестились
горяча—
Во имя битая
Иль во имя мира —
Травинки
тонкой штук
И
острие луча:
Зеленая и
желтая
Рашпырь!

Дождь тоскливо
Крыши моет,
Листья желтые
Светают...
Есть меж летом
И зимою
Середина
золотая.

Тьму
победил лучистый день,
И ель
в росе
сушиться хочет...
Но тянется
за нею
тень
В ветвах
еще живущей
ночи.

Лишь закружат листья —
Улетают бездомные птицы,
Лишь вернусь я домой —
Затоскую
о крае другом...
У меня под рукой
Твое сердце
забылось синицей,
Ну, а взгляд —
В небесах
потонул
за журавлем.

Ворчат,
что дуб подгнил,
Согнулся до земли,
И рос-то он
Все живень
Изогнуто и
носо...
А рухнет —
из него
Строгают костыли,
Вытачивают для
Скитаний
посох.

ЗАПИСАЛСЯ
ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

29 ОКТЯБРЯ —

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

ГОРЯЧЕЕ

Штриком художника, резцом скульптора, строюю поэта оставляет вечный день воспоминания о себе. Вот, казалось бы, давно забытые документы — планшеты. Но лучший ценитель истории — время беречь, сохранило немые свидетельства грозных будней пятнадцати, суровых гедн битвы с фашизмом. В них история нашей страны, биография комсомола, судьбы миллионов молодых людей, вершинских, защищающих, продолжавших великую революцию. За каждым планшето — целый этап комсомольской родословной, другие ступени возмужания. В любом из них кипит художника в союзе с откровенным словом заплетала шаги времени, подвиг и дела Ленинского комсомола.

Короткая, стрелюющая фраза: «Ты записался добровольцем?» Ее задавали в 1920-м каждому встречному солдат революции. «Короли пушек», «освободители России» ползали по карте и отмечали кружочками: «Кавказ — англичанам, Украина — немцам, Дальний Восток — японцам. А на советской земле их встрелал солдат революции, в оборонках, голодных, обрванный, небритый.

Его расстреливали в Триполье, его носил штык, а он снова поднимался. И снова шаг по степи и тайге, начался в седле Первой конной, бросился в штыковую атаку. И спрашивал с трибуны планшета строго и решительно: «Ты записался добровольцем?» В протоколах тех огненных лет можно встретить запись: «Поскольку все члены района решили идти на фронт, постановили: тучку маршала и послать на фронт того, кому выпадет такой счастье».

Миллионы молодых сердец призвал боец с планшета под знаменем красных полков. А тем, кто остался в тылу, боронили душу новые планшеты на заборах и стенах домов. «Если у тебя две рубашки — одну фронт!» «Если у тебя два пальца — одну фронт!» «Помни о фронте, трудишься для него, помогай ему, поделись с ним даже тем маляком, что остался у тебя».

Навсегда в память поколения 29-х годов вошло то трюковое время винтовки, доверенная ЧОИОМ, ночь на посту у райкома, сбор по тревоге для боя с белой банной.

В комсомольском билете у многих рядом с подписью комсоорга об уп-

лате взносов часто стояла отметка: «Безработный». Нет работы... Нет хлеба... Нет угля... Нет одежды...

И могучее слово «будет!» загремело на коммунистических субботниках.

В самые отдаленные уголки страны, раненоси ленинский призыв: «Учитесь!» За парту сели те, кто уже овладел «грамматикой боя» и «языком батареи». Комсомол стал не только школой жизни, но и школой, где учат читать, писать, считать. Ярко и страстно об этом недавнем сравнении с наивекствием и темнотой говорит планкет-приказ: «Каждый грамотный комсомолец — обучи неграмотного».

Планшеты тех лет были одновременно и первыми булавками и первым наблюдением посюдам там, где молчали радио, куда не доходили газеты. Они

агитировали за знания, за рабфак. Первые времена бросал комсомола на стройки. Со страстной силой звучат призывы далеких ударных дней: «Пятилетку — в четыре года!», «Комсомолия, в поход за обмен опытом!» «Помни, комсомолец — ты шеф над электрфициндай! Славным комсомольцам тридцатых годов так и застыли на планшетах с обветренными лицами, потрескавшимися от стужи рукавами, с копотью землистой и мастеров каменистая...»

Переломной с нынешним делами комсомольца и нам доходит призыв 30-х годов: «Дашь два Днепрострой комсомольской мысли!» Если расшифровать эту формулу, то она означала вот что: молодым изобретателям надо собрать такое количество рационализаторских предложений и изобретений, которые буду-

чи внедренными в производство, составили бы денежную сумму, равную стоимости двух Днепрозасов.

Трудовой порыв был и сражением. Каждый день требовал выдержки, мужества. Ударные недоборозатели слали подметные письма: «Наталья, брось работать на 40 станках, а то в глаза кислоту нальем». Будни деревню выстрел кулацкого обреза, кровь заливала бумагу с четко вышедшими словами: «Мы, комсомольцы, колхозники и колхозники артели «Путь к коммунизму», образуемся... Комсомольцы гибли — и с каждым днем комсомольцев в деревне становилось все больше. Сильные выстрелы были в то время планшета строн: «Из общего числа членов ВЛКСМ членов кооперативов в деревне состоит 16%».

Почти любая тема многогранной

**КОМСОМОЛЕЦ, БУДЬ ГЕРОЕМ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!**

Слово плаката

жизни комсомолка наша отражение в работах плакатистов и графиков. Особенно ярко проявилась тема патриотизма, тема нерушимой связи с Красной Армией.

«Построим комсомольскую подводную лодку!» Этими лозунгами откликнулись комсомольцы страны, когда папа рисовщик «продал большевикова вынафеем» и объявил «красотный поход» против Советского Союза. По всей стране на специальный счет шли немедленно трудовые рубли патриотов, тысячи комсомольцев отдали в фонд строительства своей единственной зарботки.

Юность крымдала. И молодежь училась летать. Первый штурм стратегосферы, первые мировые рекорды по авиапорту. Целая эпоха связана с призывом: «Комсомолец, на самолет!».

1941 год. Июнь. Первые дни войны. И плакат, ставший символом каждого гражданина: «Родина-мать зовет!».

«Молодежь — и оружейка!», «Все для фронта — все для победы!» — звали другие плакаты. Как прост, как выразителен их язык!

Тысячами примеров отваги, беспримерного мужества отличилась молодежь. Не тому ли 14-летнему сибибирскому парню Володе Мерицулову, который ежесекундно выполнял задания на 150—1 650 процентов, записали в сердце зовущие строки плаката? Да, ему и тысячами танков, ии он.

Танки, как партизан Иван Липский, облизавшие слово призыва Родины привело в ряды комсомолца. Завяление о призыве он подал в комитет партизанского отряда перед боем, в котором погиб. Но завяление было рассмотрено. В протоколе записано: «Постановили: ввиду того, что вопрос о приеме тов. Липского в члены ВЛКСМ не был разобран при его жизни, и учитывая, что Липский вел борьбу комсомольцем, Липского Ивана Емельяновича считать членом ВЛКСМ с момента подачи им заявления, т. е. с 6.XI.1943 года».

Те, кто своими глазами видел войну, помнят ланоничный плакат «Юности! Лицо, зазывающее и нечеловечески смотрело с витрины, спичечных коробков, упавших для инициаторов. И в этом развращающем походе тех миллионов листов, которые страшили гитлеровцев, поднимали народ на борьбу в глубоком тылу врага.

ведут художников-плакатистов и сегодняшний славный делец. 60-е годы одались на красочных листах в слогочины строителей новой Сибири и Севера, в сияндары комсоматов, в защитные куртки, студентов-строителей.

В неопытные ириая, в трудные дали зовет комсомольская путевка. И сверстник легендарного солдата революцион сейчас обратился и романтикам, новаторам, искателям, хозяевам земли: «Что ты сделал для расцвета Родины?»

Ветром разметались стрелки розы

ветров на планете Всесоюзного похода по местам боевой славы. В поход за бережливость, за размеры, качество поднимает миллионы отрядов иич «Комсомольского промотора». Энергичные, не болящиеся трудностей ребята зовут партия на преобразование деревни. Героическое «вчера» живет в героической «сегодня».

На смену отцам на ракетодороги, и атомным реакторам подводных лодок, и штурвалам сверхзвуковых самолетов, и пультам радаров становится потомки тех, кто в буденова, конструкторские и рабочей сплочение за-

щицал и утверждал социализм. «Будь готов и защите Родины!» — звучит и поныне призыв.

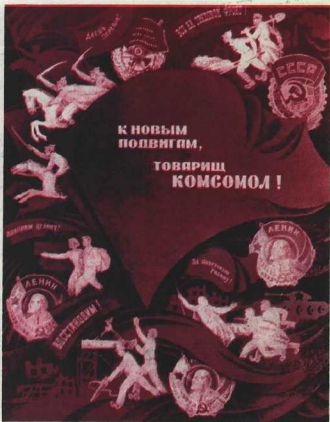
Напряженный пульс сегодняшнего дня бьется в посланных комсомольских плакатах. В них солидарность с народом Вьетнама, в них ненависть к империализму, утверждение дружбы с молодежью мира.

Комсомольский плакат — знаменное жизнью оружие.

В. МИЛОТЕНКО, Б. ЧИРКОВ

ВОРОСЕМ
НАШЕМ
ОТЛИЗНА
ВЕЛЛАА
ДОРОГОЙ
АЕГЕНАДЕ
ШАГАТЬ

**К НОВЫМ
ПОВЫЖИМ,
ТОВАРИЩ
КОМСОМОЛ!**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Опознание. Начало см. в № 19.

— Ну и хорошо. — Каравая подошел Шулейкину. — Помоги вот барышня сидеть в кладовку снасти.

— Пусто мне меня поцелует, — сказала Шулейкина. — Моральный стимул получишь зря! Невольно поспиритала. Я в него губы. У него красный рот, но как-то мультяшненько, очень подкапанный, и губы припухшие в уголках, как будто там маленькие мешочки.

— Ладно, ты сначала доноси, — сказала я ему, и старую косынку, вытупила на мою косу. Он послушно взял мой зипчик темными от амуля руками и пошел. Фартур стягнул его дынные, худощавые бедра. Красивый мальчик, ничего не скажешь. Когда мы детали Фартура поставили на весы и буркнула «норма», Каравая подал мне руку дощечкой:

— Ну, с почином!

Кемой он мировой дядька, ей-богу!

По дороге домой усталася с мной Шулейкин.

— Слушай, Шулейкин, какие девчонки у нас все-таки на участке мировой! — Става я ему рассказывать. — Вот помогли мне, все как одна.

Он засмеялся:

— Хорошие-пригожие... Точно! Ты еще от них поплачешь, от куколок, подожди...

Идет, идет, нет! Но ты бы сплунчила, а сегодняшнего не полюбила. Ни за что! Я помню, а циклоны на уроке физики мы брали друг друга за руки, строились цепью, а учительница подползла к руке первого в цепи слабый источник тока. И тут шел через нашу живую цепь, и я, хотя стояла тогда в конце, тоже ощутила легкий толчок. Вот так, наверное, и нужно завести жизнь — взаимодействовать за руку, цепью, и все будет хорошо.

— Ты так говоришь с Олегом и прошлой, между прочим, автобусную остановку. Шля-шля и зашла в парк.

— Ты совершенно не знаешь жизни, — сказал Олег. — Если бы ты знала, какая тамекая, подчас грязная жизнь у некоторых, ты бы не подала им руки, чтобы стоять цепью. Все это красненькая болтовня.

Когда стемнело, мы пошли и в выгород, но он слегка придержал меня за локоть.

— А общаебное-то? Я детали тебе достану?

Я отстранила его руку и, засмеявшись, хотела убежать. Но он догнал меня, повернул лицом и поцеловал так сильно, что я почувствовала влажные его губы. И у меня котолотился сердечек! И и сердилась и рада была, что так мне сдался. Он приподнял мое лицо руками и сказал как-то невинно: «Милая, милая». И поцеловал меня еще. Стало прохладно. И тогда я толкнула выгород, устроивалась, как-то негдет тепло, жар, какал у него широкая, твердая грудь, какой он сильный, красивый, и он влюбился в меня!

— Он проводил меня до самого дома, в подъезде хотел обнять, но тут с площадки спустилась женщина в кофте внакидку, вглядываясь в нас, да как закричит: «Эээ!»

Конечно, это была моя мама, и, конечно, она уже звонила в милицию, жюри и на завод. Она думала, что меня или втянуло в сток, или я пошла под автобус, или мало ли что: шла по улице — баллон обвалился на голову. Разве не бывает! Я бездумная, неблагородная девка, а шломо в итоге во в гроб, а совсем с ума сошла и т. д. и т. п. Все это она выдала мне сначала на площадке, потом в комнате. Олег, конечно, но будь дурак, быстро сомыслил, но зато, неистинно остался. Господи, почему родители так устроены? Почему они ничего не хотят понять? Испорить такой девке! Сегодня я стала рабочим, самостоятельным человеком, и неужели же так важно, что бы мне лет или еще осталось? Я не желаю до этого срока!

Почему я не могу жить, как мне нравится, а

должна ходить на поеводу? Вдобавок ко всему задонная телефон — это Каравая спрашивал, вернулась ли я и что со мной. Потом звонил Марьяна. Как я завтра покажу на работе? Зачем мне все время вселивается?

Когда я высказала все это, мать запустела в меня веником, а потом ей стало плохо, и пришлось звать Машку Куркову, которая, конечно, тоже не преминула выступить передо мной с обличительной речью. Я хлопнула дверью ванной — пошла умыть руки. В маленьком зеркальце над раковиной я увидела свои распухшие губы и невольно прикрыла их рукой. Опять на сердце стало щеветно, голова закружилась, я подумала: «Ах, да плавать мне не везет! Он меня любит, он меня любит. Утром мать со мной не разговаривала. Я молча разогрела завтрак, кое-как поела и пошла на завод. Шля злая-презлая, дорогой расплава себя, потому что трусила», — страшно было облизнуться с Каравая и вообще, не криком. Перед обходом он подошел, встал возле меня, вилку закрутил:

— Он меня спрашивает: «Зачем мать испугала? — Что ты натворила вчера? Зачем мать испугала?»

— Я усмехнулась, дернула плечом.

— Жесткая ты. Молодая, а жесткая, — сказал Каравая.

Я сказала, что я не жесткая, а просто сейчас сентиментальность не в моде.

— Ничего, в моде. — Это он говорит. — Человек всегда в моде — это уж точно.

В общем, воспитывая минут десять, потом ушел, слеза богу.

Сделала почти норму зашкурки без чьей-либо помощи. Но Веруля завесила, говорит: «У нас норма ученики только в первый месяц дают. А наше умяе, видно, заплелись мозгом за куст — ни с места».

Интересно, зачем определять нормы так, как это делается, если все кругом легко дают по 2—3 и даже 4 нормы! Как-то то бесмыслица. Я делаю 100 (сто) процентов, а это, оказывается, много не стоит!

Ганочку Шеню тоже поставили к стенку. Она поподвала и Каравая, показывая расплывшиеся пальчики в черные сточки и терея от грубой шкурки и говорила, что больше не может «шкурить» — руки стерла. Каравая посмотрел на нее — она заплакала. Он как-то еще больше ссутулится, да ей чистые концы вытереть нос и векол не реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

Вечером мы гуляли с Олегом по бульвару. Я рассказывала ему про то, как меня воспитывал Каравая. Олег расхохотался: «Дает Стоятой мое имя. Да у него судимости — он муть человека не убий. Воспитывался баба. Лицо у него худенькое, но реветы: будет ей другая работа завтра, он поговорит с Журвалем. А мне другой не обещал. Вот так.

А сегодня в обед ко мне пошла Надья, та высокая, тоненькая девчонка, она помогла мне, когда в впервые стала на зашкурку. Как всегда, Надья в ироке иликах, бусах и перстенях, с накрашенными губами и крутой зашивкой — «венгерки». Она попросила мыльце, я дала. Она вымыла руки, обвила меня за плечи и сказала: «А все же дурноца ты, подружчик! Зачем с Шулейкиной ходишь? От него Норюка из сборочного отдела делала».

Как мне меня шарангулял! Я вместо того чтобы вытереть руки полотенцем, стала обтирать их грязной рукой. Надья крикнула: «Ну ады, зачем не комплекты за диаргану!» — и убежала замыкать очередь. Я побрела в столовую — ады и Олег будет там же. Кто эта Норюка? Кто еще за Норюка? Этого не может быть! А как же ады? Нет, не может быть... Мне совсем не хотелось есть, а хотелось есть и долго совсем ляться: от долгого стояния кровь застывает, а и обед на смеявших многие сидеть и серебрут стулья. И еще мне хотелось зарветь в голос. Но негде.

В столовке было тесно. Надья бурлила где-то впереди. Я снулялся к ней, но Веруля сразу зареала: «А ты чот! Первошопилка! квартальный поплый! Девая в очередь! Но Надья взяла два комплексы обеда, и мы сели в уголоч.

Я спросила ее, кто эта Норюка.

— Да вот она сидит у окошко в очереди. А я посмотрела. Выставка, коротко, под мальчишка стрижена женщина сидела за столиком рядом со старой работницей. У них в пакете соленья и огурцы. Норюка взяла один, с хрустом оторвала. Блеснула белая, крепкие зубы, заходили слюды. Она большая, плотная, она... взорлась, я не могу это выразить словами, но я это муштуво.

Когда мы уже пили кисель, Олег и еще один парень, Макс Киревя, вошли в столовую. Я следила за Норюкой. Она отставила свою бутылку с кефиром и стала смотреть на них. Олег обернулся и кивнул ей. Она сейчас же подошла к нему. О чем они говорили!

Я просто как во мне дороботала смену. Олега ждать не стала, поехала домой и там, одна, ревел та, что чуть глаза не погнули. Какая я дура доверчивая! У Каравая судимости, у Олега Норюка... Как же верит! Неохота идти на завод. Ничего нехотю.

Дали новую работу. Подрезку. Каравая наточил для меня резец, взял из ящика пластмассовую трубку — будущую ручку риффедера, показал, как нужно подогреть и очистить от шероховатости ее концы. Надья следов за мной, но как пластмасса не ошпыляла. Вообще это работа выгодная, ее любят. Стеша Крулишко сказала, подмигнув мне:

— Во, новенькой-то подвалили! Стеша — пластмассовая баба. Лицо у нее худенькое. Она сама говорит: «Сказок, как вычюк. И еще: «Хот кистива, да счастливая». В душе, раздвинувшись, она хлопает себя по плоскому, лягушачьему животу, кричит: «Эй, девка, французская строгость по русскому рецепту! Много работать, ничего не ешь!»

Стеша меня поражает. Она все делает на таком пределе энергии, что мне кажется: ну, все, вот это дело ее само исчерпает, и она потухнет — кончится батарейка. Ничего подобного!

Оля, смотришь, несется, с шумом, грохотом, черные глаза еежелеза блистят, как будто у нее тепловизор. Сидит на стуле, прикладывает к нему перборю чеха, ее даже Баннико поймаются.

Надья говорит: «Стеша летит — кости гремят икалыва».

Вот такой случай. Посланы ее в другую группу для детисек из подшефного — но безвзличному. Поехала она еще с двумя зряками

премии лишки. «Не по-мо-га-ешь товарищам». А у меня пламяник сейчас на шев. Хлеба столько съедает, уж я про хлебало всякое и не говорю... Ну и ходит один ко мне... служажик. Тоже угощает!»

— Слушать ее тошнó и жлоку. Ну в чем ее счастье? В седьмом пальто? В упаковке, которую мадо как следует угощает? Ее тут не уважают, не любят, хотя она такая быстрая и так много успевает.

У остальных долго ждала Олега. Он пришел, когда-то весело сказал, и я увидела спиртной запах. Кто-то успел! Сказал, что собрался тут у одного дивана перекутить, так вот вымыли.

— Разве ты умеешь перетягивать диваны?

— Я все могу. Со мной не пропадете!»

— Я и без тебя не пропаду! Зачем ты пьешь? Олег вдруг расхохотался. Такой бодрячий у него был взгляд! Но он не выругался, на отпернулся. Уж, как стучало сердце! Молча пролегал мимо до дома, хмуро попорочился и ушел. Олег часто говорит мне, что нельзя жить «прониксами», быть протодушной и примахнуть к вам. Он говорит, вот если бы все были такие, а то ведь один хитрый, ловчат, пробиваются и все за счет кроликов вроде меня. Так нельзя! Но вы есть два пути: томе диваны, диван, подвешенный к стене, и тогда куски или како-то бороться с этим. С этими. Стеша ведь не такая. И Карвай не такой. И Надья тоже. А Олег? Олег где-то посередине — не с нами, но, надеюсь, и не с теми, другими... В субботу — танцы. Я собралась с Олегом в Сокольники, но теперь... А мама шила мне такое платье! Специально для танцев — капроновое, на чехле... Зачем же он ценовал и говорил мне все такое, чего я забыть не могу? Ой, может, я сама, сама виновата, что оттолкнула его?

* * *

Среда. У нас такое, такое! Даже не смеяться... В сборке — ЧП; пропало десять комплектов готовлен для КБ. 400 рублей каждая. Это не шутинка! Или, как у нас говорят, «вынесили» — это не такое страшное слово, как «украли». Теперь всех тщательно проверяют в проходной, оплохотыв. Прогнито. Сидят! Сейчас иду вора. Олег подождет и сейчас же надо поговорить. А от самого этого какой танет.

Тут привели как раз «кюнички» — «кюницы». Это самый веселый момент в шее. Мы юкнули в комнату, где грудой свалены пестрые обрешки — байки, сити, бейби, трикотаж. Я вытащила чет веревь байкового одедала, Надья — «креслице» от носков. Наделя ни на кисти, как манжеты. Ритке незаметно прицепили «хвост» из кресного ситая, и она так ходила, в сака девичьим прыскал, пересмеивалась — как будто в школе.

Карвай тоже очень смеялся, а ведь хмурый явился, сын у него боляет. Он живет в подавале, и вот от этого... Рыло хотеть завтра на другой станок ставить. Когда она узнала, то уберечь за собой не стала в эту смену; я уберу, а завтра меня на другой поставят — нет уж! Она работает без смешички и вот рехнула, как всегда, хотя чего и выгадала.

Олег все же поймал меня. Шли молча, только вдруг показал на какой-то дворик: «Я вот где живу». Посмотрела. Деревянный домик, обшитый досками, но внутри были, наверно, железные перегородки. Но в нем было, наверно, только двое рабочих. На досках штемплы: «Москво-Товарная» и еще какие-то. Я ему говорю: «Ну чего надо? Зачем позвать? Он усмехнулся: «А чего, нельзя, что ли? Хотел спросить, как там, но такшинушка! Ты с Вовкой жила?»

— С Вовкой? Простой и Вовка хули. Ну и что?

— А то, что я ему голову оторвал! Ну и что было?

Дурал, надо же! Приревновал!

— Это был Юля! Резанья объясняли — зедний, передний...

— А я без них с тобой все углы найдем, а Зойка? Да не буди ты такая прищипливая! Лезет обнимать! Но я ведь вижу, что вытешива, а до полочки три дня. Откуда дыньки! Молчи, хмилялась. Мы стояли возле его дома, откуда вышел малый в равной ковбойке и говорит Олег: «Смотри!»

— Ты! Атац! У тебя там милиция шурует... Тека планет.

Олег вдруг побелел, побелел, я думала, он упадет. И вдруг как молния, влетела Оля. Она была в голове и вынес готвальны! Он! Вынес... Не могу написать «украл». Не могу, потому что это Олег, мой Олег...

Мы сразу ушли от калитки. Нельзя было представить, что все конится сейчас, сразу, вот так... Он говорит: «А я тебе подарок купил». И вынимает из кармана браслетик с камешком. Дорогой. «Возьми. Или теперь все! Я просто не знала, что делать. Отказаться, бросить сразу, поехать? Но взять ворованное, на ворованные деньги купленное... Сердце мое болевало, прямо разрывалось. Я заплакала. Я так громко плакала, что люди оглядывались и смотрели. Я сказала: — Ты что натворил! — Он ответил:

— А, брось ты! Все так зинует... Ом у меня все равно ничего не найдут. Пусть докажут! А я хотел, чтобы мы с тобой весело пожили, в ресторане побывали и везде. Я из-за тебя старался, а ты мне же по морде! Ну запоним! Ты возьмишь или нет, последний раз страшно! Он вынул. Но я сказала, что нет, что я бразую этим подарком, и мне все равно, найдут у него ворованное или нет, но для меня вора. Для всех он вор, вор, вор!

И тогда он ударил меня. Это было ужасно. Как будто дерево на меня обвалилось или стена. Сражу все канулось и исчезло, как будто сомкнулись надо мной дверцы огромного ступака. Я очнулась дома. Мать заплаканная сидела рядом. Оказывалась, меня достали Олег. Сказал матери что-то невнятное и исчез.

Приезжал вчера врач. Сказал, что возможно, легкое сотрясение мозга. Но обходился. Я смею. Вот пишу. Неужели это все случилось со мной? С Олегом? Не могу сдержать слез. За что? Почему так вышло? Что теперь с ним будет? Попытаюсь кривиться. Нужно лежать.

* * *

Сегодня четверг. Приходил проводить Карвай — он живет рядом, через три дома, оказывается. Я спросила про Олега. Он покочевался, но потом сказал, что забрали его. Тогда я спросила, а вот вы... Ну, я все тоже ведь судимости была, да? Значит, люди, я все могу изменить, поправиться. Карвай сказал, что, конечно, могут. А про себя пояснил, что он работал в леспрохозе шофером, и там у них был такой Шурка-Шанал. Он себя звалило ситом. Тоже шофер, здоровый! «Сила есть — ума не надо!». И он все притеснял. Трехвал и там же почтенны. Если едешь по узкой дороге, ты ему обязательно уступи, а то он тебя начнет зажимать и в кювет спустит. И вот Карвай с ним делался, до того дошло, что пошел на узкой дороге на таран. И Шанал не уступил. Столкнулись машины! Карвай все ничего, а у Шанала — травма. Машины побились... Судили Карвайа, дали условно.

Да, Карвай — это Карвай... У него и судимости какая-то... Не позорная...

Карвай принес мне меду и авелет это. Но я не могла, я ревела и ревела.

— Да! — сказал Карвай — Суд на заводе prospects хотел. Не повезло тебе с парнем. Где сильней тразнуло, там он и вывалился.

Когда Карвай ушел, я села писать Олегу письмо, рвала, снова начинала. Не могу! Мне кажется, я лечу в парня, в Шанала, в опору! И нет поддержки. Нет смысла ни в чем.

Вышла во вторую смену. Стеша дала мне яблоко, обняла и говорит: «Ничего, Зойка! Женщина все может пережить, что у нее все знает. Я говорю ей, что вот будет суд, тут, на заводе. Нельзя ли без этого? А она говорит: «Нет, это правильно. Об этом мы сами и просили». Она говорит вещь, что может пережить, что у нее все знает. Я говорю ей, что вот будет суд у ворованных готвальны. Олег будет судить за отношение к заводу, к людям, к своему делу, вообще за отношение к жизни. И этины судьями буду мы.

Потом Стеша сказала, что я взяла себя в руки: заказ на экспорт буду исполнять. Я! — Да, ты. А чего? Ума не хватит? Я пошла за нарядами, потом в автотюль — маляе взять для смазки. На Олега, мое место стал Яшка Курнуков. Он молча налил мне баночку, а потом сказал: — Может, мы еще на поруки его возьмем, как думаешь?

Сказала станок, закрывала делка. Включила... И пошла себя сама, что я наклоняла голову и ухом ловлю яголос станка, как это делает Карвай. Привычки появились, надо же! Что, что сейчас случилась? Боль за то, что произошло, осталась, но что-то не носило...

Когда Курнуков мне сказал «мы», я почувствовала... Да, я ощутила себя среди своих, и мне стало легче.

Академик И. КИКОНИ:

Если бы можно было собрать молодую научную конференцию всех времен и народов, на нее пришлось бы пригласить много ученых, начиная с Эйнштейна и Лобачевского, совершивших крупные открытия в том возрасте, который мы называем комсомольским. Осмыслив утверждать, что вообще великие открытия делаются молодыми людьми. И объяснить это, в сущности, не так уж трудно: с годами теряется свежесть взглядов, уменьшается работоспособность.

Исходя из опыта физиков моего поколения, можно утверждать, что начинать научную работу надо со студенческих лет.

Еще на школьной скамье я узнал о существовании физико-механического факультета Политехнического института и твердо решил поступить именно на этот факультет. Возглавлял его академик А. Ф. Иоффе. В числе профессоров и преподавателей были наиболее передовые деятели физики. Значительная часть студентов предвзрелых приемов уже была непосредственно приобщена к науке, к исследовательской работе в стенах Физико-механического рентгенологического института, руководимого нашим же деканом академиком А. Ф. Иоффе. Показано, что мечтой каждого физико-механика было попасть в число самостоятельных работников в рентгенологии, но отбор туда производился весьма тщательно.

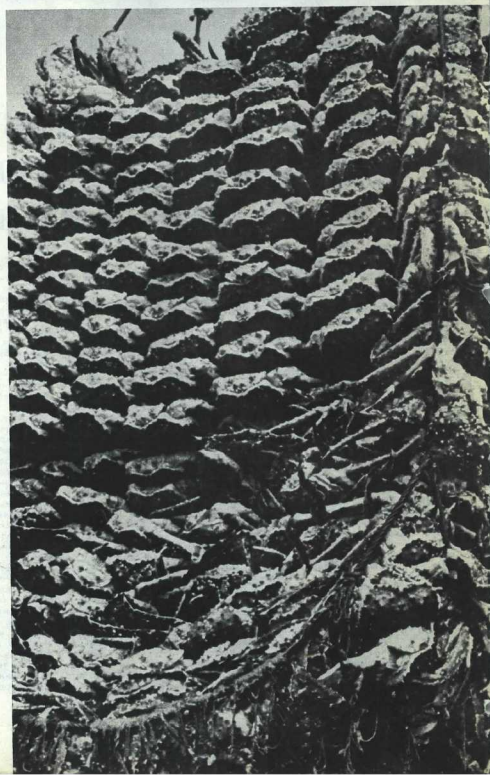
МЫ ЖИВЕМ В ОКЕАНЕ

М. ГРИГОРЬЕВА

Фото автора

В северных широтах Тихого океана ведет промысел крабовая флотилия «Михаил Тухачевский». Это плавучий завод, моторные боты, транспортные суда с топливом, водой, производственными материалами. Сотни людей — моряки, повара, обработчики — многие месяцы находятся вдали от родного берега.

Об их труде и жизни рассказывают фотографии и короткое заметки Марии Григорьевой, которая работает на плавучей базе библиотечкарем.

Еще очень рано. Даже чайки в полусне. А лошади на мотоботах — милая за милой — уходят от базы. Из воды то там, то здесь торчат бамбуковые удлища. На них номера и флажки с условной расцветкой нашей флотилии. Накануне старшины получили плащеты с указанием «лодей» — и каждый мотобот идет своим курсом.

А на плавзаводе пока тихо. Девчата-обработчицы досматривают последние сны.

Лов удачный. В строле, которую принимает Роберт Захаров, примерно тысяча крабов.

Каждый теперь на своем месте. Координирует усилия людей первый помощник капитана Николай Дульцев, бывший секретарь Владивостокского горкома комсомола. Уже проведена «платинунтка» с мастерами, технологами, химиками, начальниками цехов. На «Тухачевском» объявлен массовый поход за бездефектный выпуск продукции.

Чтобы улов превратился в высококачественные консервы, нужно немало поработать и криворукам, и обработчикам, и упаковщикам. Конечно, криворуки отдают от панширя, варят в соленой воде, охлаждают, затем мясо извлекают из клешней и саставов на криворукальных машинах, сортируют...

А вот дело дошло до упаковщиц: внутреннюю поверхность каждой банки покрывают лаком, а мясо обертывают пергаментом...

Хороший улов — хорошее настроение. И не только у девушек, трудовой стаж которых еще невелик, но и у повидавшего всякие морские урожан ветерана криворука Н. М. Угленко.

Рейс длится не месяц, не два... Дни складываются не из одной работы. Бывает, гонимая параллель соединяет нас с Сочи, и мы, соперничая с курортом, преобразуем верхнюю часть кормовой палубы в соларий, в спортплощадку. На открытках палубных траулеров идут в это время соревнования по стрельбе. Нередко на плавбазах организуются выставки наших художников, смотры художественной самодеятельности. Этим меро-

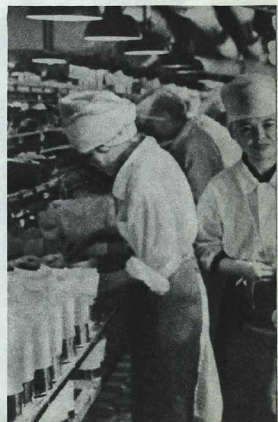
приятиям не может помешать никакой шторм, хотя однажды жюри в составе 10 человек, перебираясь на соседний плавзавод, едва не утонуло...

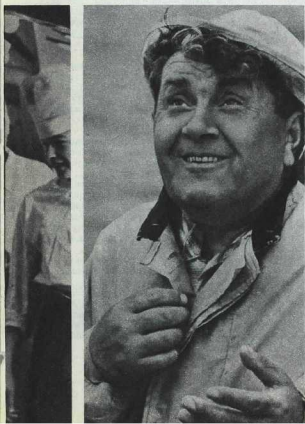
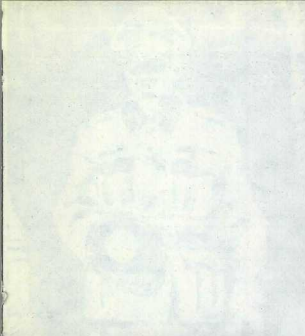
«Чтобы быть красивой, надо страдать» — говорит французская поговорка. В самом деле, какие муки испытывают женщины, сидя под раскаленными фенами! И все же мы с восторгом принимаем рашение руководства: открыть на судне «Каюту красоты». За работу взялась мастер своего дела Лилия Агаджянян.

Идут экзамены. Отвечает Борис Лебедев. На курсах судовых мотористов улетит много ребят. Программа, рассчитанная на 419 часов, завершена.

...Последние ловцы возвращаются на базу. Плавание продолжается. Друзья и родные, провожая нас на путьню, обычно желают такой погоды, полных сетей удачи и семь футов под килем.

Пожелайте и вы нам этого!
Борт флотилии «МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ».

Юлиан СЕМЕНОВ

МАТОК МАШИНЫ

Советским военным разведчикам, действовавшим в годы войны на территории, временно оккупированной гитлеровцами, — посвящается.

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Председатель имперского народного суда то и дело срывался на ирри. Он не мог больше слушать показаний обвиняемого. Он перебивал его, стучал кулаком по столу и чувствовал, как у него от гнева холодеют ноги.

— Вы даже не слышите! — кричал он. — Вы гибриды осы и свиная! Отвечайте внешне нашими мотавками вы руководствовались, переводя ми свершений, представляющие значение государственной важности!

— Я руководствовался только одним мотивом — любовью к родине, — отвечал обвиняемый, — только любовью и родиной.

— Ничего! Вы не смеете говорить о любви и родине! У вас нет родины!

— Я очень люблю свою родину...

— Какой же любовью вы ее любите? Вы ее любите, как голосенсуист? Ну! Юму вы передаете эти данные? Отвечайте!

— Этот вопрос мне не представляет для вас интереса... Те, юму я передаю сведения, мне сферы вашей досягаемости...

— Вы не просто гибриды осы и свиная. Вы еще и дуран! В горах Баварии уже создано сверхмощное оружие отщепенца, которое сорушит врагов реида!

— Не тыште себя миллионы. Сейчас апрель сорок пятого, а не июнь сорок первого, господири председатели!

— Нет, вы не просто дуран! Вы названный дуран! Возмездие грешит там же неутомимо, как рассвет и как восход солнца. Битового солнца нашей победы! Только татие разложившиеся типы, как вы, не видят этого! Отвечайте суу все правду: это — единственное, что может сократить вашу воиючку, трусливую, проданную низость!

— Я не буду отвечать больше ничего.

— Вы отдадите себе отчет, чем это вам грозит?

— Мне уже больше ничего не грозит. Я спале сполноби. Не спите вы.

— Увидите этого негодяи! Увидите его! Я не желаю видеть это гнусное лицо!

Когда обвиняемого увидели, председатель надел четырехугольный шапочку, оправил манжеты и высказался.

Он всегда объявлял перерыв за десять минут перед обедом — председатель имперского народного суда страдал язвенной болезнью, и врачи предписали ему самую тщательнейшую диету, но и соблюдать не только жесткую диету, но и принимать пищу по минутам.

Эта судебная сессия, происшедшая 2 апреля 1945 года, была одной из разрывов истории, начавшейся год назад...

Совещание в полевом штабе Гиммлера 12 мая 1944 года было прервано в связи с вызовом рейсфюрера СС к Гитлеру. Однако часть вопросов, включенных в повестку совещания, была уже обсуждена. Вопрос о переводе партийных руководителей Восточной Пруссии на негласные постамские в связи с возможной наступлением русских войск был оставлен до следующего совещания, которое Гиммлер назначил на 24 мая.

Была обсуждена вопрос о судьбе крупнейших центров славянской культуры. Нижле следует записать беседу по этому вопросу.

«ГИММЛЕР. Одной из наших серьезных ошибок — я убежден в этом — было крайне либеральное отношение к славянам. Лучшим решением славянского вопроса было бы калаширование, несколько, правда, исправление, еврейского вопроса. К сожалению, мои доводы не были приняты во внимание, победила точка зрения Розенберга.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я глубоко убежден, что хорошее предложение никогда не поздно провести в жизнь.

ГИММЛЕР. Дорогой Кальтенбруннер, большими намерениями выложена дорога в ад. Хотя, впрочем, я согласен с вами. Но если бы мы накали активно, энергичное решение славянского вопроса два года тому назад, нам бы сейчас не приходилось готовить себя к уходу в подполье. Давайте трезво смотреть на вещи. Теперь мы обязаны концентрировать наши усилия с тем, чтобы стараться решить в максимально короткий срок то, что не было до сих пор решено.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я думаю, наши предложения о полном уничтожении омаов исторической панславизма — Кракова, Праги, Братиславы, Варшавы и других подобных им центров, — являются определенной печать даже на возможное — я беру крайний случай — возрождение этой расы. По своей природе славянин не просто тул, но и сентиментален. Вид появления будет соответствующим образом формировать будущие поколения славян. Крушение омаов исторической культуры есть форма крушения духа нации.

ГИММЛЕР. Это все очень красиво. Однако армия не согласится на немедленное уничтожение всех подготовленных вами по проекту центров. Армия не может воевать в пустыне. Вопрос, если мы думаем его решать согласованно, вероятно, может ставиться таким образом, что уничтожение центров панславизма должно быть непременным условием в жизни либо после нашей окончательной победы, либо на худой конец в последние дни перед отступлением армии из перечисленных вами городов.

БРОИТНГАМ. Стоило бы прозвучать вопрос об эвакуации части наиболее ценных исторических памятников.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Бройтгам, мне смешно вас слышать. Вы дипломат в несте чума. Юому нужны эти самые наиболее ценные памятники?

ГИММЛЕР. Определенный резон в предложении Бройтгама есть. Но к этому пункту мы вернемся

Роман печатается с сокращениями.

Рисунок О. ВУКОЛОВА

на следующей неделе. К сожалению, мне надо по-кинуть вас, друзья. Итак, Кальтенбруннер, свяжитесь с Кейтелем или Подлем, по-возможному, лучше с Подлем, он самый помпех, хотя и генерал. Обсуждайте с ним частности и детали. Выделите несколько наиболее крупных центров. Я согласен с вами: Краков, Прага, Братислава...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Братислава — чудесный город в окрестностях прекрасной озера на оз.

ГИММЛЕР. Перестаньте пребывать идея, Кальтенбруннер, что за ойка манера! **КАЛЬТЕНБРУННЕР.** Все-таки Братислава — пока что столица дружественного нам словацкого государства.

ГИММЛЕР. Порой я не знаю, как разговаривать с вами умозаклочения: то ли смеяться, то ли зранить вас. Я порву ласток сошествия со Словакией в тот час, когда мне это будет выгодно. Не думайте ли вы, что договор со словами — любой их государственной формой — может быть серьезным!

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Итак, мне нужно получить принципиальное согласие армии на акцию по уничтожению этих центров?

ГИММЛЕР. Да, обязательно, а то они в лентабате поднимут визг. К чему нам лишняя сложка? Мы все секретно устали от склад. До свидания, друзья.

БРОЙТНГАМ. Всево хорошего, господин рейхсфюрер.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. До свидания, Генрих, вы забыли свое перо.

ГИММЛЕР. Благодарю, я очень к нему привик. Швейцария делает великолепные перья, молодцы. «Монблан» — это во всех смыслах высшая фирма...

«Как мне стало известно, Кальтенбруннер уже договорился с Подлем в совместной (гестапо, СС, СД и армей) акции по уничтожению круговых центров славянской культуры. Все дальнейшие ре-

шения по этому вопросу постараюсь передать в Берне. Подробности, явни и пароль обговорите через связь: Манисс, Ислав, Берлин, 15 мая 1944 года».

Это сообщение пришло из Швейцарии в Москву 21 мая 1944 года. В тот же день оно было передано моему командующим фронтам фальдгерской связи.

А через семь дней в разведотделе штаба фронта были получены документы следующего содержания: «Разведгруппа в составе трех человек — руководитель «Вихрь», заместитель по разведработе «Искра» и радист-шифровальщик «Анг», откомандированные Генеральным Штабом РККА для выполнения специального задания, прошли поочередно работу по вопросам, связанным с паспортным режимом генерал-губернаторства и отделе Кракова; утонены легенды, шифром, время и место радиосвязи».

Заданием группы — установление способов, времени, а также лиц, ответственных за уничтожение Кракова.

Способы выполнения оговорены с руководителем центра по выполнению специального задания полковником «Бордонины».

Работа после высадки и приземления — сбор. Переизготовление формации. Центром сбора является Анд. Если у него-либо ушел или ранен, необходимо переименовать формацию чаще, с нейтрализовать через силу винтута, а не через три, как это установлено. Световым различием, радиостан — большой цвет, руководитель — красный, заместитель — желтый».

Сразу после приземления закаливают парашютистов и начинают передвижение и северу — ровно три километра. Здесь привал, переодически и устанавливает связь с «Бордонины». После этого рация делится без заноса, две остаются в лесу, возле ринка, а заместитель по разведке отправляется в село Рыбна. Там он должен выискивать наличие немецких патрулей. В случае, если в селе нет войск и патрулей, Вихрь идет в город Злобува, на улицу Гурювоу, а дом 107, к Сигизмунду Палену и передает ему приват от его сына Игнация, полковника Войска Польского. Сигизмунд Палек выводит Вихря через своих людей на связь с шифровальщиком «Муха». Вихрь поднимет себе Муху.

В случае, если по каким-либо причинам группа не собралась все вместе после приземления или дом Палена занят немцами, местом встречи становится в селе Рыбна: каждый день с двенадцатого по двадцать пятую, с десяти до одиннадцати утра. К руководителю подойдет Муха — молодой человек, потрапанный немецкой формой без погон. Вихрь должен быть одет в синий костюм,

пенка в правой руке, в левой — белый платок, который он будет утирать лбу справа налево быстрым движением. Пароль: «Простите, пожалуйста, вы здесь старшину с двумя мошанами не видите?».

В тоненую папку, приобретенную и материалами «Операции «Вихрь» — по выявлению способов, времени и лиц, ответственных за уничтожение Кракова, — были вложены характеристики на Леонида Андрия Федоровича, русского, родившегося в Днепротроиске в 1917 году, холостого, члена ВКП(б) с 1939 года; Исаака Александра Маниссиновича, русского, холостого, родившегося во Владивостоке в 1923 году, члена ВКП(б) с 1943 года; Лебедева Евгения Сергеевичу, русскому, 1924 года рождения, члена ВКП(б), незамужнюю, родившуюся в г.р. Тайшет, Красноярского края.

Здесь же хранились тексты автобиографии разведчика, разработанные для внедрения и легализации, а также на случай провала.

Следующие три листочка бумаги были написаны от руки.

«Я, Леонид Андрия Федорович, майор Красной Армии, прощу причитающийся мне оклад переводить моему родителю по адресу: Астрахань, Аб-хазский, 56, Леониды Федору Федоровичу и Тамаре Михайловне».

«Я, Исаак Александр Маниссинович, старший лейтенант Красной Армии, прощу причитающийся мне оклад переводить моей матери Гаврииле Александровне Милошине по адресу, имеющемуся в моем личном деле».

«Я, Лебедев Евгений Сергеевич, младший лейтенант Красной Армии, прощу переводить мой оклад на «Сбергосударственный институт, так как родственников после смерти родителей не имею. Сберегательный институт».

«И поскольку «Сегодня, 6 июня 1944 года, в 23 часа 45 минут в надрате 57 произведен сброс тротилового парашютиста. В связи с низкой облачностью и сильным ветром возможно небольшое отклонение от заданного района. Капитан Родионов».

Легчик Родионов был прав в том, что облачность была низкая, а ветер сильный. Он был неправ в другом: отклонение от заданного района вышло очень большим. Группа выскочила в североазиатские пяти километрах от заданного места приземления. Ветер разсыпая парашютистов в разные стороны. На большие группы Андрия вылетел им красным, им зеленым переименования. Земля была не по-летнему холодной. Луни пузырились делящими, ирригациями. В лесу плали осенними листьями. Где-то адали были собаки. Андрия занюхала парашютный запах, пахнущий, приключалась, вывалила руки в воду и пошла на север. Андрия

Атакама величественна, равнодушна и жестока к человеку...

С. С. СМИРНОВ

АТАКАМА

(ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ)

—1—
Сколько раз я встречал в кроссвордах определение из четырех слов: «Пустыня из севера Чили». Иногда я вспоминал ее название, иногда забывал, но, признаюсь, кроме того, что эта пустыня лежит на севере Чили, я ничего о ней не знал. Между тем Атакама — пустыня знаменитая, единственная в своем роде на земном шаре.

Во всех других пустынях земли есть какая-то жизнь. В песках этих пустынь водятся цветы или всходит трава, правда, очень ненадолго: солнце вскоре выжигает их напиль. В других встречаются какие-нибудь неведомые на виду растения, вроде кактуса, агавы, нашего сансаула. В песках этих пустынь водятся обычные жуки, ящерицы или насекомые.

В Атакаме ничего не растет, ничто не живет — она бесплодна, как Луна, как бесплодна, по-видимому, пустыня Марса.

На юго-восточном берегу пустыней и в гелому каменному берегу океана лежит город Антофагаста. Мы прилетели сюда из Сантьяго самолетом в первых числах мая. В просторном вестибюле нового многоэтажного отеля, построенного над самым океаном, нас встретили представители местного университета, руководители отделения Института чилийско-советской дружбы и наш будущий гид по пустыне Лаурао Нуњес.

Антофагаста — большая рабочий город. Именно здесь когда-то зародилась и начинала свою деятельность Коммунистическая партия

—2—
Чили, и тут много испытывают интерес и симпатии к Советскому Союзу. Русских в городе почти не видели, но как раз этой весной (в поочередные осенние) месяца два до нашего приезда, Антофагаста принимала советских моряков. Один из наших торговцев парусов, совершавших плавание в Белом океане, зашел в порт, чтобы произвести какой-то мелкий ремонт и пополнить запасы угля и воды.

Экипаж корабля за время своей непродолжительной стоянки успев приобрести здесь массу друзей. Десятик летелей Антофагасты побывали в гостях у моряков из борта парохода или встречались с ними на берегу и сейчас в разговорах с нами с восторгом говорили о веселом, открытом характере русских, об их гостеприимстве и радушии, о безукоризненно корректном поведении, выгодно отличавшем их от матросов некоторых других национальностей.

Но, конечно, самый заметный след наши молодые морячки оставили в женских сердцах. Когда мы три дня спустя улетали из Антофагасты, проводить нас на зарю стояла большая группа девушек, работниц и студенток — активисток местного отделения Института чилийско-советской дружбы. В ондании самолета мы долго сидели с ними в кафе аэропорта, и Нине Вулгановой пришлось стать поперечной всех их сердечных тайн. Вдыхая, они наперебой рассказывали, какой хороший парень был

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Ю. ТИХОНОВ, архитектор,
В. МИХАЙЛОВА

Фото А. ЛЕХМУСА

Теперь здесь мягкая осенняя тишина, солнечно. Ярко пылают купола соборов, маковки церквей, островецкие главы башен...

Три века стоит Ростовский Кремль. Пожирал его и беспощадный огонь палых пожаров, пытался сокрушить враги, вторгшиеся на русскую землю. Рушились и снова поднимались стены.

...Блаженственно держит пять своих сияющих куполов Успенский собор — уникальный памятник Ростова Великого. Звонница, построен-

ная в конце XVII века на Соборной площади, славится на весь мир неповторимым звоном тринадцати колоколов, самый большой из которых, «Сасой», весит две тысячи пудов. Каменные стелы «владычного двора» с бойницами, вавилонскими и зубными с внешней стороны массивны и неприступны, как стены старинных крепостей. В былые времена Ростовский Кремль выглядел настоящей крепостью: ворота с коленчатым проездом, с герсами — подковой ренкетой с зубьями и бойницами. Ниши, щели и бойницы были в каждой из одиннадцати башен. Самобитная, мощная красота — и в архитектурных формах, и в росписях внутренних стен, и в самом назначении построек. Где-то затерялась, а может быть, и погибла при пожарах записанная с именами строителей и художников. Сейчас можно назвать лишь имя каменщи-

ка Петра Ивановича Досаева, одного из многих русских людей, чьими руками создан Ростовский Кремль.

«ЦК ВЛКСМ рекомендует всесторонне поддерживать и поощрять участие молодежи в охране исторических памятников», — говорится в постановлении VIII Пленума ЦК комсомола. XV съезд ВЛКСМ особо подчеркнул, что комсомол сознает свою ответственность за охрану и пропаганду культурно-исторических ценностей, ибо главное призвание памятников, дошедших до нас из глубины веков, в том числе и Ростовского Кремля, — научить молодежь дорожить нашей великой культурой, воспитывать чувство национальной гордости.

Историко-архивный и художественный музей Кремля

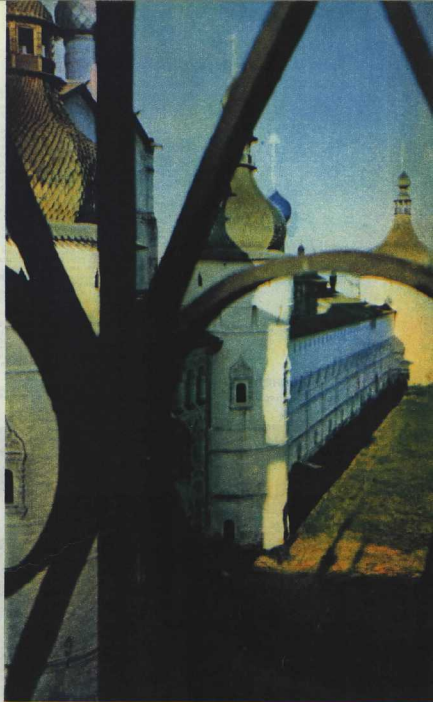
В корпусе у часовни будут жить туристы.

Ростова Великого влечет тысячи экскурсантов. Но скоро его экспозиция станет еще обширнее. Гости Ростова не только откроют для себя новые интереснейшие страницы истории России, но и переживут в XVII—XVIII века.

В Ростове создается молодая туристская база-музей. Разработку проекта ведет группа архитекторов Управления делами ЦК ВЛКСМ, консультант — автор проекта реставрации Кремля архитектор В. С. Башинг. Уже есть немало эскизов, чертежей. Замысел молодых эстетов интересен и оригинален.

Мы собираемся использовать под жилье, — рассказывают авторы проекта, — те залы и различные помещения Кремля, которые выполняли эту роль в прошлом. Красная палата. Здесь размещаем спальные комнаты и мемориальный зал. Особенность нашего проекта в том, что интерьеры Красной палаты будут как бы продолжением экспозиции музея. Мебель, предметы быта воссоздадут многообразие и богатство русского национального искусства. Конечно, решить интерьер спальной комнаты, площади которой иногда около 60 квадратных метров, а высота 6—8 метров, нелегко, но есть уже несколько вариантов решений. Вот один из них. Чтобы сохранить ощущение грандиозности зала, мы предлагаем ставить кровати поперек, и не по одной, а блоками, по четыре, как бы отдельными островами. Свободные стены будут использоваться для экспозиции. Мы поставим здесь резные лавки, братины, конши. Словом, туристы будут жить так, как жили наши предки. Любителям уединения мы готовим «кальи» в «доме на погребках».

В одноглавой церкви Уд-

ЖДЕТ Гостей

Церковь Воскресения, созданная в стиле древнерусского белокаменного зодчества. Вид со заливчика.

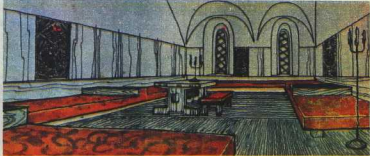
гитрия, пристроенной к северной стене Кремля, реставрировано богато вышито убранство второго этажа. Здесь будут лекторий, читальный зал.

Уже сегодня можно представить будущее Ростова Великого: площади Кремля, заполненные туристами в русских национальных одеждах, торжественные шествия, театрализованные сцены, вечные собрания.

Работы по реконструкции в разгаре. Благоустраивается бывший митрополичий сад, на островах озера Неро раскинутся свайные поселения для любителей ленивых птиц, рыбной ловли, а по озеру плывут нарядные лоды, струги. Словом, великолепный исторический памятник-музей, который по праву считается жемужиной русского национального искусства, скоро распахнет двери перед посетителями.

Эскизы интерьеров жилых помещений Красной палаты.

Туман побед

С тех пор, как в 1957 году сборная СССР ошеломительно свергла с триумфально-олимпийского Олимпа силачей США, мы только тем и занимались, что «делились опытом». Мы были слишком горды, чтобы по достоинству оценить прогресс «чужих» соперников и самокритичнее посмотреть на свои достижения. Бравая работа не на нас. Блесн шесть золотых медалей, завоеванных в том же Тегеране, был настолько ярким, что ослепил и спортсменов, и тренеров, и спортивных руководителей. Мы не забоялись всерьез о нуждах силачей, и тляжила атлетика постепенно терпела устойчивость.

Первый тревожный сигнал был послан с варшавского помоста, на чемпионате мира в 1959 году. Если до этого дележ золотых медалей шел только между атлетами СССР и США, то здесь титулами чемпионов заволодела также поляк И. Зелинский и «Черный Аполлон» из Англии Л. Мартин. Польская команда впервые нанесла поражение сборной США и вышла на второе место.

Теперь, как известно, сборная Польши — чемпион Европы и мира. Успех заслуженный. Пока мы ведем спор с законсервированными штапигами, поляки нещадно едят наши все лучшее, что было в нашей и американской школах тляжьей атлетики. Помню молодого тренера польских силачей Клеменса Рогуского. В 1959 году, в лето II Спартакиады народов СССР, он два месяца провел в Советском Союзе, побывал

в Минске, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Москве — и везде обстоятельно знакомился с развитием тляжьей атлетики. Рогуский интересовался главным образом методикой тренировки и тактикой выступлений. Через несколько месяцев мы убедились, что этот визит пошел на пользу польским друзьям.

После варшавского чемпионата в печати появились критические материалы о состоянии тляжьей атлетики в стране. Они в какой-то мере подействовали. Последовавший ринский триумф. Этот успех вновь настроил нас благодушно.

Все сильнее становились молодые штапиги Польши, Венгрии, Чехословакии, Японии и других стран, а мы по-прежнему тшчили себя тем, что наша школа тляжьей атлетики самая передовая. Она действительно была передовой, но ее необходимо было развивать и совершенствовать. Увы! Лучшее советские штапиги продолжали побеждать на мировых переносках, но тысячи рядовых атлетов от этих побед не становились легче.

И вот мы вторые. Рано или поздно это должно было случиться. Хотелся верить, что уроки, полученные в Софии и Тегеране, пойдут нам на пользу. Туман побед рассеялся. Теперь ничто не мешает видеть тляжные пятна на большом солнце нашей тляжьей атлетики.

ШТАПГА ЮНЫХ

Плохое настроение объясняется прежде всего весьма неслыми пер-

спективами на успех в Мехико. В Тегеране выиграть еще могли. Ну, а дальше что? Есть ли сегодня у нас, как у поляков, 20-летние Озимен? Имеет ли наша тляжьей атлетика таких перспективных юниоров, какими располагают японцы? Имеет, и растут гадюки талантовые претенденты на олимпийское золото, но мы пока о них ничего не знаем. Наша команда самая великовозрастная. В Тегеране она была старше сборной Польши на 12 лет, а японцы «проиграли» целых 40.

Чемпионат мира 1967 года будет разыгран в Токио. И японцы сделают все возможное, чтобы стать первыми. Очень опасны они будут и на Олимпиаде в Мехико. Думаю, опаснее поляков. «Страна восходящего солнца» располагает самыми перспективными атлетами в легких весовых категориях. Впервые юниоры — штапиги легчайшего веса Сиро Икемори и Юсиро Мияки (младший брат прославленного Юсиро Мияки) — имеют прекрасные данные для того, чтобы завладеть мировыми и олимпийскими золотом. Прочие позиции японцев и в популярной весовой категории. В расцвете сил Мияки, напором находится 23-летний Х. Фунуда. Идут в гору Т. Катта и Т. Кимура. На титул чемпиона мира и олимпийских игр метит и полусредневеса М. Огута. Ему только 22 года, а он уже любил мировую реву в Куранго, показав в прошлом сезоне 452,5 килограмма.

И это еще не все. Не сегодня — завтра мы непременно услышим имена новых японских юниоров. Достижения их растут сназочно быстро.

Дмитрий ИВАНОВ,
заслуженный мастер спорта

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ ТЯЖЕЛОЙ АТЛЕТИКИ

У нас, тляжеатолегов, бышки и настоящих, незваное настроение. Два поражения подряд — сначала на переносках Европы в Софии, затем на чемпионате мира в Тегеране — это слишком горькая чаша для десятикратных победителей мировых турниров и трех олимпиад. Но эту чашу надо испить до дна.

Нинто не станет отрицать, что в софийской и тегеранской неудачах есть элементы случайности. Команду вывели из привычного чемпионского равновесия злосчастные нульвые оценки. Снизалась и «безмерная любовь» к нам и нашим успехам некоторых международных арбитров. Однако я влязал за перо совсем не для того, чтобы выгораживать одних и тем более охивать других.

Наша олимпийская надежда — 22-летний средневеса Сакен Шарипов. В этом году он получил первую в жизни награду: серебряную медаль чемпионата СССР. Успехов тебе, Сакен!

Фото Ю. МОРГУЛИСА

РАДИ СВЯТОГО ИСКУССТВА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Д свое время я чуть бы-
ло не стал артистом. Я
обомлел театром и
был убежден, что мое
истинное призвание — сцена. На лю-
бовитских спектаклях я не
раз сыграл аллодисменты, а в
двое голубоглазых шлоуи-
нши, захваченных от смущения,
даже попросил у меня ав-
торграф. Поэтому когда Ва-
сильий Степанович, богото-
творный мною артист и про-
фессор, поставил мне зада-
чу на выступительных знаме-
нах в театральном теа-
тратуре, я готов был, как Не-
ром, завоплить: «Какой же-
ликий антер погибает!»

Для того, чтобы иг-
рать на сцене, — было сказа-
но мне на прощание, —
требуется голос мало. Но
для информатора на стадио-
не или рекламного дири-
жора — вполне досточ-
но.

Время не зарбучивало мо-
е рыло. Но я, как и прежде,
боготворил Василия Степа-
новича. И когда я узнал, что
мой дядя кто-то в гостях
состоит у родственника и на-
просто, чтобы увидеть знаме-
нитого мастера сцены в до-
машней обстановке. Уж те-
перь-то я верил, что Васи-
лий Степанович встретит
меня по-иному.

Все утро я с деланным
равнодушием прохаживался
за двор палатки, разделяв-
шего дачи.

— С приездом, гротеск-
стер! — Василий Степанович
стоял на крыльце с неиз-
менно сучковатой палкой
в руке. — Поздравляю с от-
личной победой над Кор-
ныш.

Я поблагодарил. Все го-
ворило о том, что в чут-
стугуло, с сардоническими
вздохами мужчины Василий Сте-
панович не узнал выходящего
юношу, которого в свое
время он так безжалостно
лишил иллюзий.

Мы начали обмениваться ап-
петитными о прошедшем
турнире, но нам помешали.
Собравшаяся дача стояла
сгорбленная старуха из-за
с увеличен в один. Она долгие
минуты посматривала на
моего собеседника и неиз-
менно вскрикивала:

— Ужели ты, Васек! —
прошамкала она, входя в

налогитую. — Старый такой
стал, волос седой.

— Простите, бабуся, не
узнаю, — с пошлительным
удивлением сказал Василий
Степанович.

— Бабу Настю не узна-
ешь! — обиделась старуш-
ка. — Пострел Забыл, как
тут-то у меня дача, третий
дом от колодца с лугуком
на крыше. В дачных пор-
тах бегаю!

— Простите, бабуся, — Ва-
сильий Степанович приложил
руку к сердцу. — Гови, сла-
воух. Как нынче в Клубе-
нах?

— Давно бы, — упренила
старушка, подходя и про-
тягивая одностороннюю узе-
лок. — Того люблю, с лу-
ком и лыцан. Витяга Бро-
нни, твой ровесник, нынче у
нас предисполкома, а у Во-
робойки дача двойю при-
несла. Кузьма-изумил тал-
визор кутли «Ренора», а Ти-
хонин, с котормы ты гулял
равн, в большие люди вы-
шел. Птицефабрику про-
чает.

Старушка присела на си-
мечку и сразу замлала: на
— Мостоник старые лю-
ди. И милое, анать.

— Старость не ра-
дость, посочувствовал Ва-
сильий Степанович. — А те-
перь, бабуся, нише и маше
и сломо, чтобы она выпала
тебе ремнем поиние сплны.
Девочка! Как сидеть! До-
революционная старуха мо-
гу на ногу не забрасывает
Брысы.

Побрав юбки, старуш-
ка резко смачнула в налит-
ую.

— У тебе понашу дыря-
вые портиги! — потрясал пал-
кой, правый ей висок Васи-
лий Степанович, усмех-
нувшись, добавил: — Загла
приход перекладывай «ло-
вишь!»

— Старуха обернулась и
радостно подпрыгнула.

— Проахались, вчера, —
проявила Василий Степа-
нович. — А ведь в девичонце
что-то есть! Не попенасыла
съездить я мою родную де-
вушку, выноженную одес-
ла. — Призадумался,
гротескстер. Куда я деп
свои рыбки? Не думала о
том, что шахматы много
родны с искусством? Вы
должны переиграть проти-
вника, мы — зрителя. И ша-
-

матист и антер шцут в сво-
ем творчестве бесчелюстные
комбинации. Сцена — тоже
шахматная доска, и только
очень любя искусство, театр-
альная пешка проявится в
Ферри.

Я трепетал при мысли,
что артист, своим несрав-
ненным искусством потря-
сающий зрительные залы,
бесчелюст со мной не ра-
внен. Больше того, а голос
Василья Степановича звуча-
ло удивление. Я-то знал, с
какой суверенной почти-
тельностью относятся про-
стые любители и просто бо-
лельщики к мастерам ша-
хматной доски. Я рассказыва-
ю о прославленных гротес-
кстерах, об их слабых и
шахматных курьезах, о пла-
не и сплывающих и чув-
ствовал, что мой собесед-
ник слушает с благоговием,
словно я протирываю
перед ним занавес, за
котормы скрывается не-
ведомый ему мир.

Я не удивился, когда Ва-
сильий Степанович, срывая
легкое смущение за делан-
ной развязностью, припо-
минал сыграть партию. Это
было неизбежно: сплыва-
вший велик соблазн подвергаться
ходоу двадцать против
гротескстера и при случае
небрежно бросить:

— И? Как, играл с
ним. Ничего, разберется. И
сочувствие. И сочувствие не
в форме зевнул ферзю.

— Если провалится в бе-
лым, — пошлительно прого-
ворил Василий Степанович,
поспешно расставая, выти-
рал.

— Стенки вставали! —
послышалось мотыльное за-
ывание. — Веранды стем-
нохли, фронтити.

Через минуту лжесте-
нощи с красным носом
был изгнан с позором. Его
выдала чрезмерно натур-
альная игра: драматиче-
ски поджала ноги и неесте-
ственно глухою, лобом и па-
щери, голос.

Жизнь не, — помолва-
лся Василий Степанович,
делая шаг пешкой. — Все-
таки нуда я дол очини. Вле-
ра явилась молочница с на-
манеренными мотыли, а
раннее утро — плотник с
открытыми усом.

Все хотят стать артиста-
ми, кто же тогда будет про-
дотестировать? Роль, а роль
плотники и водить машины?
Хорошей погодой,
соед!

Я удивился. Василий Сте-
панович томе. Он вздохнул
и, грозно погирывая пал-
кой, двинулся на стоящую
у калитки чуту стугуло, с
сделанными всхлипа муж-
чину.

— Гротескстер сидит
здесь, проверить надо! — за-
грозил мой гостеприимный
хозяин, приподняв палку.

Брысы отсюда, малыш! —
допустил Василий Степанович
траву. — Не комдусь, когда
закончатся экзамены... Вы

Я еще не сделал чок, по-
тому что мне было незороч-
но. Мне слышно мешал па-
рин с начинающим сидеть
вискал и, утравивши,
вести. Было обидно за де-
ротескстера, котормый
так изощренно вернулся с
турнира и котормого Василий
Степанович так неадекватно
оценил.

— Начинаем передачу
«ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ».

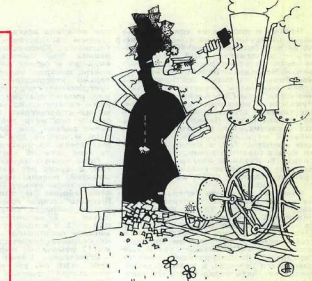
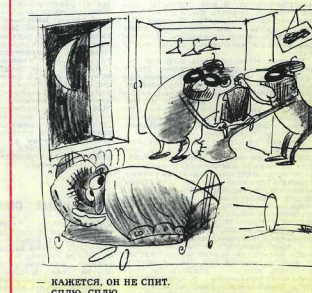

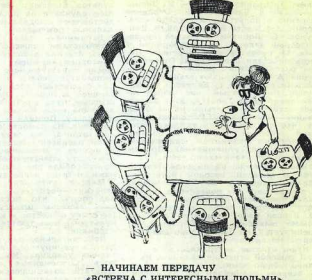
Рисунок Н. НЕКРАСОВА

КАЖЕТСЯ, О НЕ СПИТ.

— СПИЛО, СПИЛО.

Рисунок О. КОРНЕВА и Н. СТАНИЛОВСКОГО

— НАЧИНАЕМ ПЕРЕДАЧУ
«ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ».

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов (ответственный секретарь), И. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Ляров, Е. М. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.
Телефоны редакций:
Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 1-63-31; международная жизнь — Д 3-31-50; фотокорреспонденты и спорт — Д 1-64-10; переводы и репортажи — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-03; оформление — Д 6-29-39.
Художник-оформитель В. Соколов.
Технический редактор М. Шаалева.
А 15-07. Подписано и печатно 4/1986 г. Формат бум. 70 x 108/8. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,8. Тираж 1 000 000. Изд. № 1926. Заказ № 2676.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЧУКОТКА

ПОВЕЖНО

Ка-ка-ет-ся ночью слы
-в- на-в лод-ка, ко-лю-ча-в твот-ам
дер-жа на-в су-чу-кот-ка! 9-то ты-чу

Слова
М. ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка
М. ФРАДИНА

-зу! Чу-кот-ка! 9-то ты-чу-кот-ка! 9-то ты-ко
-сынкою снежною ма - шешь ви-зу!
Над полярным кру-гом вертятся пропеллеры,
под крылом плывут спокойней, чем века, медленные о - чень,
весь-пре-весь-то ты ли ланни, то ян обла-ка.
-зу

Над Полярным кругом вертятся пропеллеры,
Под крылом плывут спокойней, чем века,
Медленные очень, белее-пребелые
То ли лядны, то ли облака.

ПРИПЕВ:

Качается ночь,
Как сложенная лодка,
Коломие звезды
Держа на весу...
Чукотка!
Это ты, Чукотка!

Это ты косынкою снежною
Машешь внизу!

Шум мотора не спугнет оленя
Здешнего,
Шапка-пуховик не свалится с

куста.
От Москвы рукой подать до мыса
Дежнева,

Если эти дороги места.

ПРИПЕВ.

Ничего, что в небе месяц
замороженный

Льет неяркий свет над тундрой
голубой.

Слушай, Север: ты, наверно,
замерзший —
Так и тынет встретиться с тобой!

ПРИПЕВ:

Качается ночь,
Как сложенная лодка,
Коломие звезды
Держа на весу...
Чукотка!
Это ты, Чукотка!
Это ты косынкою снежною
Машешь внизу!

Составил В. ФЕДОРОВ.

выведенной И. В. Мичурин-
ской, 42. Остров в западной
части Индийского океана.
53. Драма в стихах С.
Пушкина.

По горизонтали:

8. Комсомолец-партизанин, Герой Советского Союза.
11. Центр горнолыжного спорта в Польше.
12. Роман Веры Мухомовой.
13. Советская писательница.
14. Курорт на юге Болгарии.
15. Родионачальник армянской пролетарской литературы.
16. Заочная контрольная кабина для испытания космонавтов.
21. Орган командования по управлению войсками.
23. Город в Иркутской области.
24. Автор романа «Молодая гвардия».
25. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь».
26. Горный курорт на Северном Кавказе.
27. Древнегреческий мифологический персонаж и математик.
29. Деятельница женского демократического движения, лауреат Международной Ленинской премии.
30. Химический элемент.
32. Столица союзной республики.
33. Река, впадающая в Финский залив.
35. Птица с пестрыми оперением.
36. Польский народный танец.
38. Песня на слова Я. Шварца.
40. Основательница латышского театра и драматургии.
41. Сорт яблоки.

По вертикали:

1. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова.
2. Газетный мир.
3. Олимпийская чемпионка.
4. Вид спортивной борьбы.
5. Чешский национальный герой, полководец.
6. Героиня романа Галины Яновской «Витая в пути».
7. Специалист по съемке местности для составления карт.
9. Родник.
10. Птица, являющаяся звездой на земле.
16. Спортивное общество.
17. Переложение музыкального произведения для исполнения на другом инструменте.
22. Русский архитектор XVIII века.
23. Персонаж пьесы Н. Гоголя «Норманские конураты».
28. Песня И. О. Дунаевского.
29. Областной центр РСФСР.
31. Планета.
32. Скульптор, лауреат Ленинской премии.
34. Терраса для воздушных ванн.
37. Искусственное русло водного потока.
38. Длинная утка.
39. Птица красного цвета.
40. Город на юге Ирана.

К Р О С С В О Р Д

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

1. Полюс.
5. Сантиметр.
8. Леопольд.
9. Синица.
12. Регистр.
13. Октябрь.
14. Вальс.
18. Зелинский.
19. Альп-баррос.
20. Ронессанс.
23. Регулятор.
25. Меконг.
26. Грамм.
27. Пеллеус.
30. Шарпад.
31. Роллан.
32. Мартини.
33. Наситка.

По вертикали:

1. Павлов.
2. Косовский.
3. Атмосфера.
4. Ситник.
6. Нептун.
7. Регага.
10. Земляника.
11. Сонетарь.
12. «Рагуто».
15. Искра.
16. Зирай.
17. Бьюта.
21. Саидал.
25. Сорвалет.
23. Рембрандт.
24. Лицей.
28. Дамаск.
29. Олень.

СХВАТКА В ВОЗДУХЕ

Фоторепортаж А. ЛЕХМУСА

— Целился было некогда, — вспоминает Володя Шанков. — Отсюда я стрелял в бандита.

Спокойно в салоне. А 3 августа здесь разыгрался бой.

Я вспомогался, собирался в этот полет. Не так, как волнующийся перед полетом дальним, когда разом наплывают и грусть расставания и радость будущих встреч. Не бог весть куда лететь — от Сухои до Ватуни — дело, как говорится, минутное. Но стали не эти минуты ожидания для экипажа «АН-2» — Владимира Шанкова, командира самолета, и второго пилота Валерия Томашовича — чрезвычайной трудными.

Над аэропортом звучат обычные слова: «Знакомьтесь, пассажиры на рейс Г-73, следующий из Сухои к посадке в городе Поти до Ватуни». Все двенадцать пассажиров уже в салоне. Володя и Валерий, серьезные и сосредоточенные, занимают пилотские кресла.

Малышу «АН» ни и чему длинная ватная полоса. Прошла минута, и мы уже над землей. Смотрю на пилотов, отрываю разговорными пока не рыцарские и пытаюсь представить их в тот особенный полет.

— Все проищу наик раз здесь, в этом районе, — начал Валерий. — Поти, Вверху небо, внизу Кохиджа. Озеро Палакостми. До Ватуни ринуть полетать. Вдруг кто-то, чувство, равную дверь кабинки за спиной, обнаружился (и был у штурвала), вину; пассажир в дверях. Лицо какое-то странное.

— Бандиты в самолете! — выдохнул пассажир и тут же рухнул на пол, спасаясь от выстрела в спину.

— До сих пор не пойму, — вступал в разговор Владимир, — как это я с ходу принял решение. А ведь в самый первый момент не понял, не поверил...

— Представляю себе Валерия, а он бугорком. Сейчас, сейчас, сейчас, на бугор-

то заново переживает те мгновения — победы, нагрянул. Так, наверное, и было. Победил. Нарыл в комок. Должно командиру, секунда. Еще одна — передал Володе управление. Выглянула в салон. А там с двумя пистолетами в руках, нацелившимися на опечивших людей, стоял бандит. Озерная морда. Источные волни: «Ручь вверх!»

— Зарядная пистолет! — иринул Володя.

Иан малю, Валерий не мог вставить обшюки в «ТТ», Пистолет полагался летчиком по инструкции, они часто шутили: зачем? Наконец прошла прокладка долгая минута. — «ТТ» зарядили. У штурвала теперь Томашович. Командир прямо через иллюминатор а двери кабинки стреляет. На прицел — секунда. Нужно попасть в бандита, не задеть пассажиров. А пока они возлились со своим «ТТ», бандит уже два раза выстрелил. Кругом дым.

— Я приказал Валерию перейти в беспорядочный полет, — говорит Володя, — чтобы мешать бандиту прицеливаться. Пока я стрелял, Валерий радировал о случившемся в Поти и развернул машину на обратный курс. Что такое беспорядочный полет? Бунально идешь самолет в стороны, вверх, вниз. Словом, создаешь перепутан. Пассажиром в таком полете не прозавидуешь. Но другого выхода не было.

Ровно гудит мотор. Мы заходим на посадку в аэропорт Поти. В тот день здесь и сели в самолет те трое. У бандита Николая Шанчик брылись сомнения. Но не выдержали грустные душности нога Шанчика открыл огонь, они со страху не шакохнулись. А по плану должны были... У них был заранее разработанный план. Залутать и связать пассажиров, а пилотов за-

ставить пересечь границу. Страх неминуемой расправы за совершенные ранее преступления гнал их с нашей земли. План, рассчитанный на трое. — Беспорядочный полет. В кабинке слюшного ад. Володя нагрянул волю, собирает все силы и, хватаясь за штурвал, высматривает на кабинку. Бандит нюрится на колени, пистолеты в руках машут удержат равновесие.

— Сдавай оружие! — Бандит и не пытается сопротивляться. «ТТ», образ, финна на полу кабинки. С начала боя прошло всего две три минуты...

Они часто вспоминали потом этот полет. Кто первый бросился помогать Шленову; Разва Салукавазе или все разом? Сейчас трудно назвать самого храброго на них. Момент, старый иррабильный нем Василий Иванович Конадаев, бросившись в кабинку летчиков со словами «бандиты а самолете!» Или заслонивший его от выстрела, получивший ранение курсант Батукинского мореходного училища Кутеладзе? А момент, парня, который все время успевалла ревеня, перепуганного выстрелами? Или настоящих мужичины. Лишь один оказался трусом. Да что о нем вспоминать...

В Ватуни мы прилетели точно по расписанию. Пассажиром покинули самолет. Я сделал несколько кадров и записал в блокнот: «Владимир Шленов, командир экипажа самолета «АН-2», 28 лет, Валерий Томашович, второй пилот, 22 года. Оба комсомольцы. Не боясь смерти, вступили в схватку с бандитом. Выиграли «воздушный бой». Награждены значками «Отличник Аэрофлота»; навалеры ордена Красной Звезды». Спасли людям жизни...

Это Василий Иванович Конадаев, профессор и и 3 летчиков об спасности.

Беспорядочный полет помешал бандиту. Его выстрелы не достигли цели.

